

ШАРЛЬ ФУРЬЕ

ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ДВИЖЕНИЙ И ВСЕОБЩИХ СУДЕБ

PLANO I

DEL PALANSTERIO U PALACIO HABITADO POR UNA FALANGE INDUSTRIAL DE DOS MIL ALMAS Y MIL FORASTEROS

— ESPLICACION: —

A. Grande plaza de parada en el centro del falansterio de 466 $\frac{2}{3}$ varas. B. Pasco de invierno dentro del Palacio de 280 varas. C. D. Patios interiores de servicio, con árboles, arroyos, estanques, jardines. E. Entrada principal, torre de orden 8.º F. Sitio de la Iglesia. G. Sitio del Teatro. El Palacio tiene de frente 840 varas y en cada ala 186 $\frac{2}{3}$ var.
La Calle-galeria rodea todo el falansterio.

Шарль Фурье

**Теория четырех движений
и всеобщих судеб. Проспект
и анонс открытия**

Книжный магазин "Циолковский"

1808

УДК 141.813
ББК 66.1-191

Фурье Ш.

Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытия / Ш. Фурье — Книжный магазин "Циолковский", 1808

ISBN 978-5-9908592-4-1

Вышедшая впервые анонимно в 1808 г. работа Шарля Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб» вначале не принесла своему создателю никакой славы, настолько экстравагантным было это произведение. От наиболее ярких теорий и глав этой книги Фурье впоследствии пытался несколько неуклюже откреститься, однако именно они произвели глубокое впечатление на мыслителей последующих поколений, вплоть до наших дней. Социально-экономические выкладки и основы теории притяжения страстей изобретателя терминов «феминизм» и «фаланстер» с увлечением изучали как Достоевский, так и современный американский анархист Хаким Бей, о нем писали Ролан Барт, Хабермас, Маркузе, Симона де Бовуар, упоминал в своих лекциях Мераб Мамардашвили. Цитаты из этих и многих других философов, комментирующие наиболее яркие, по их мнению, места из работ Шарля Фурье составляют справочный аппарат данной книги.

УДК 141.813

ББК 66.1-191

ISBN 978-5-9908592-4-1

© Фурье Ш., 1808
© Книжный магазин
"Циолковский", 1808

Содержание

От издательства	6
Алексей Цветков	7
Фаланстеры	7
Цивилизованные	9
Счастливая телеология	10
Сакральная алгебра	11
Бестиарий утопии	12
Фурьеризм	13
Десублимация	14
Предисловие	15
Вступительное слово	16
I	17
II	20
III	24
IV	26
V	30
VI	34
Часть первая	36
I	38
II	39
III	40
IV	41
V	45
VI	48
VII	54
VIII	56
IX	58
X	62
XI	68
XII	71
XIII О двенадцати страстях, коренных в октаве[43]	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Шарль Фурье
Теория четырех движений и всеобщих
судеб. Проспект и анонс открытия

© ООО «Книгократия», 2017

От издательства

Как-то раз в букинистическом отделе книжного магазина «Циолковский» к нам в руки попал первый том из трехтомника Шарля Фурье (Государственное социально-экономическое издательство, 1938 г). Третий том, кстати, так и не вышел, помешала война. Данный перевод был сделан Е.Я. Успенской со второго французского издания 1841 г, этим объясняется появление в тексте позднейших вставок. Прочитав этот потрясающий воображение труд, мы поняли, что издательству книжного магазина «Циолковский» просто необходимо переиздать этот невероятный полет фантазии, с одной стороны немного косноязычный, но с другой, невероятно легкий и меткий «мемуар» (так по Фурье). Поэтому мы очень бережно просмотрели текст, поменяв совсем уж режущие глаз современного читателя архаизмы (напр. «итти», или «эксплоатировать»). Потом, все в том же букинистическом отделе мы обрели довольно редкую сейчас книгу самого глубокого советского фурьеведа И.И. Зильберфарба (книга несколько месяцев ждала своего часа, скромно отлеживаясь на рабочем столе), цитаты из которого помогли понять некоторые важные места текста. Кстати, незаслуженно забытый сейчас Зильберфарб, Сам обладатель точного и корректного стиля, (цитату из которого мы вынесли и на обложку), очень выручил дальнейших фурьеведов – они просто переписывали у него целые абзацы без затей, это бросается в глаза, когда начинаешь исследовать вопрос. Затем мы снабдили комментариями некоторые моменты, которые читатель XIX века прекрасно знал, читатель тридцатых годов XX века мог знать, а вот читатель десятых годов XXI века, весьма вероятно, не знает. Так, например, когда Фурье в 1841 году упоминает дикую зебру кваггу, он еще не знает, что последнюю дикую кваггу застрелят в 1878 г, а последнее животное этого вида умрет в зоопарке несколькими годами позднее. Помимо наших комментариев, текст прокомментировал сам Фурье (его комментарии выделены отдельно), а также редактор издания 1938 г. А. Дворцов и переводчик Е. Успенская, так редакция довольно сильно растянулась во времени. Ну и конечно отобранные нами цитаты из Ролана Барта, Хаким Бея, Герберта Маркузе, Юргена Хабермаса, Дэвида Харви, советских исследователей Фурье очень украсили книгу, хотя и сделали ее несколько толще, чем оригинал.

Что же касается вымерших квагг – Фурье считал, что Творение не закончено, и *«думать, то земля не даст уже новых творений и ограничится существующими, значит думать, что женищина, имеющая одного ребенка, не сможет родить второго, третьего, десятого»*, так что весьма вероятно, что мы еще увидим квагг на свободе.

Но обо всем этом вы узнаете, прочитав книгу.

Алексей Цветков

Преобразование Фурье

Фаланстеры

Настало время с пятнадцатилетним опозданием объяснить, на что именно намекала группа энтузиастов, которая назвала свой первый книжный магазин «Фаланстером».

Земледельческо-промышленная фаланга по замыслу Фурье должна производить субъективность, а не стирать её на благо коллектива. Он пытался заранее создать трафарет и карту нового мира с помощью «математики страсти». Звезды, числа, имена стихий, элементов и чувств должны подсказать правильную формулу человеческого счастья, реализованного в отдельных фаланстерах с населением в 1500–2000 человек.

Воображенные им общины существуют прежде всего для удовольствия отдельной личности. Удовольствие в центре всего, оно и есть новое божество утопии. Фаланстер Фурье это правильно собранная из людей машина для максимального наслаждения каждого из этих людей, так же как каждый человек сам является машиной для удовлетворения всех своих чувств. Реализация утопии дает человеку не известные ему ранее виды наслаждения жизнью, собой и окружающими. Участниками фаланстера взяты все октавы страстей.

В этой утопии нет ни капли апокалиптичности или аскетизма жертв «во имя коллектива», «во имя будущего», «во имя высшего исторического принципа», нет ни грана вождизма. Фурье, напротив, разоблачал сторонников Сен-Симона и Оуэна как скрытых претендентов на руководство массами и священников нового социалистического культа. Фаланстер не нуждается в вождях и гарантирует немедленное и непрерывное счастье, только в этом и состоит служение принципу, заложенному в человеческой истории.

Фаланга – реализация предначертанной людям миссии. «Страсти идут от бога, обязанности от людей» – объяснял Фурье общий принцип своей этики. Он выбирал страсти и бога, а не «цивилизацию» с её унылыми и оскорбительными обязанностями.

Каждый в фаланстере получает по полезности и таланту из общего бюджета, но сфера бесплатного, общедоступного, столь широка, что деньги превращаются в чистый фетиш, в самодостаточный знак, а драгоценности – в церемониальные игрушки и диковины. В них можно купаться. Благородные металлы и камни, «презираемые философами», важны сами по себе и не имеют рыночной стоимости. Это ценности, которые счастливо утратили конкретную цену. Торговля во всех видах была отвратительна Фурье и потому его «культ богатств» не имеет никакого отношения к капиталу, это чистое, психологическое наслаждение изящными вещами, а не их обменными возможностями. По-настоящему роскошными вещи делает их исключенность из рынка, только тогда они дают нам чистое удовольствие, как у трехлетних детей, тянущих к себе всё, что утоляет их сенсорный голод и тут же забывающих свои трофеи ради новых. Фурье удалось точно высчитать, какому проценту людей понадобится именно такая форма удовольствия (18 обществ комбинированного порядка) – обладание богатствами.

Вдохновленные такими примерами, и богатые, страдающие от своего богатства, и бедные, страдающие от своей бедности, бросают прежнюю жизнь и устраивают фаланстеры всюду, с мировой столицей гармонии в Константинополе. Более прекрасного по расположению места Фурье, видимо, не мог себе представить, тем более, что Константинополь ассоциировался у него с «османскими удовольствиями» – многоженством, терпимым отношением к бисексуальности, тропическими фруктами, сладостями и украшениями базаров, поэтическим экстазом и стихами дервишей. Морскую воду фаланстерцы превращают в лимонад, используя энергию

полярных сияний. Ледяные шапки на полюсах исчезают, потому что они не нужны людям и север расцветает садами невиданных плодов, изобретенных садовниками-гурманами. Вся орошенная Африка выращивает сахарный тростник. Скучный хлеб выйдет из моды и уступит свою роль базовой пищи засахаренным фруктам. Везде и всем будут наливать сладкий компот – жизнь станет кондитерски прекрасным приключением, а мир превратится в огромное пирожное. Сладкое есть главная синекдоха обещанного нам гармонического будущего. В этом смысле проект Фурье это рай оральной фиксации.

Если мерить количеством счастья, каждый год в фаланстере приравнивается к столетию современной Фурье обыденной жизни. Новая наука неизбежно создаст «третий пол», сочетающий в себе все качества двух прежних в неискаженном и освобожденном виде. Эти новые андрогины великанского роста, сменившие прежних мужчин и женщин, призваны к тому, чтобы силой своих знаний передвигать небесные тела, наводя гармонический порядок в космосе. До этого момента космос выглядел как не использованная языковая система, тогда как должен он выглядеть как совершенная поэма. Новые андрогины – мифические герои древних культур, но помещенные на этот раз не к истоку времен, а данные как обещание в ближайшем будущем.

Изобретая неологизмы и рискованные сравнения, Фурье описывает гармонию фаланстеров – там нет досуга и свободного времени, но есть множество вариантов того, чем заняться и какой вид удовольствия предпочесть. Деятельность меняется каждые два часа.

Большинство утопий – исключаящие системы и в этом зародыших репрессивности. Утописты пытаются обнаружить в нашей природе дурные свойства и вообразить механизмы их искоренения, недопущения, блокировки. Фурье обещает включить в фалангу всех, найти им такое место, где их страсть удовлетворялась бы на пользу коллектива, какой бы странной она ни была – цветочники, любители навоза, чесания пяток, фиксированные т. е. постоянно верные своим удовольствиям и дрейфующие, т. е. ежедневно скользящие от одного удовольствия к другому, все найдут себя в новой социальной гармонии, все окажутся нужны друг другу в общественном симбиозе. Например, «каббалистическая» страсть к интригам полностью реализуется в театральной игре и свободной любви.

Человеческое удовольствие будет постоянно узаконивать себя и находить новые способы проявления в фаланстере. Всё, что отвергнуто или дискредитировано цивилизацией и её моралью, станет топливом этой машины счастья. Целостная и абсолютно развитая душа человека по подсчетам Фурье имеет 1620 качеств, составляющих бесконечные комбинации наших ежедневных стремлений. Эта полностью реализованная душа андрогинна – по 820 качеств от женской и столько же от мужской души. Её достижение и есть цель каждого в Фаланстере. Она и есть максимальный результат работы всей этой социальной машины. Ради этого финального и полного раскрытия всех свойств и стоит каждые два часа менять удовольствие т. е. деятельность, спать не более 4,5 часов, 150 лет жить в Фаланстере.

Цивилизованные

Если бы «цивилизованный» человек мог увидеть составленное из фаланстеров гармоническое человечество будущего, он наверняка потерял бы разум или умер от шока. Поэтому Фурье оговаривается, что дает лишь частичное описание, которое должно сделать людей безразличными к развлечениям цивилизации и не терпимыми к её горестным трудам.

«Цивилизованные» это те, кто внесли прискорбно дорогую плату за свою социализацию в нынешнем обществе. Такая социализация уродливо выгибает психику, требуя строгой и перманентной сублимации всех главных человеческих желаний и убогой «нормализации» воображения. Советские хиппи позаимствовали у Фурье этот крайне негативно окрашенный термин для своего сленга, превратив его в короткое и презрительно-ироничное слово «цивилы».

«Вся власть воображению!» – любимый лозунг сорбоннариев, восставших в 1968 г., звучит совершенно по-фурьеристски. Под воображением понималась та часть психики, которая так и не была репрессирована идеологическими аппаратами капитализма. Предполагалось, что это освобожденное воображение откроет глубинную и сложную синхронность людей, а вовсе не «конкуренцию фантазий» между ними, как это подразумевается в рыночном обществе.

Новый социальный контракт между людьми невозможен без нового контракта человека с собственной прожектерской, поэтической, «иррациональной» частью. Фурье поставил вопрос о новой версии рациональности, не совместимой с прежним классовым раскладом и ментальным режимом.

Счастливая телеология

Буржуазные читатели Фурье часто неверно понимали его цели как завуалированную мечту сделать всех аристократами на пиру-балу-карнавале. Тогда Фаланстер это идеальный отель с бесконечными видами анимации, непрерывный пир Тримальхиона, оргия эстетов и сатурналия, в которой стерты границы между хозяином и слугой. Конечно же, это не так. В отеле и на пиру не производят, не организуют, не изобретают, и даже в самом творческом варианте «досуга» просто имитируют всё это. В любом случае там отдыхают и отвлекаются от более требовательной, рациональной и утомительной жизни. В Фаланстере же всё существование переплавлено в счастливую деятельность, это попытка изобрести другую рациональность, освобожденную от искажающего влияния рынка, шанс заново повенчать чудесное с разумным.

Почему такой мир не останется без еды, горячей воды и фруктов? Почему в нем не случится перенаселения? Почему он не погибнет от эпидемии? Потому что – отвечает Фурье – именно такой мир изначально задан божеством, как цель для человечества, такой мир – социальная гармония фаланстеров и максимальная реализация душ – записан внутри самой человеческой природы. Вся история людей есть приближение к этому идеалу и гармония только и ждет, чтобы люди начали-таки её реализовывать в первых автономных общинах. Фурье ведет вера в объективную, математически вычислимую и поэтически обнаружимую, алгебраическую формулу нового порядка, в котором, в отличие от «цивилизации», не будет ничего стихийного и разрушительного. Фаланстеры с их оранжереями, паровыми котлами и парадами достижений окажутся фантастически эффективны и не узнают экономических или социальных проблем именно потому, что максимально соответствуют космической задаче человека. Предсказуемость и план социальной гармонии исключают скуку и однообразие так же, как исключают они антиобщественную стихийность. Фурье сравнивает гармоническую жизнь с дыней на пиру – мы никогда не знаем точно и заранее, какая она внутри на вкус, пока не попробуем, мы всегда заинтригованы этим, и всё же мы знаем, что это именно дыня, нам известны её общие свойства и возможные варианты её вкуса.

Северный Венец – полярный знак, порожденный самой гармонией т. е. новыми отношениями между живым и мертвым, обещанными этому миру как цель всей его истории. Гармония притягивает нас из будущего, как требовательный и сладкий магнит, невидимая звезда, вокруг которой вращается календарь.

Сакральная алгебра

Четыре элемента пронизаются общим гармоническим ритмом. Дрожание эйдетической струны стирает границу между игрой, любовью, трудом и наслаждением.

Социализм питается поэтической одержимостью, магической властью над стихиями и паранормальной математикой, открывающей нам разум бобров и пчёл. Разложение прежней функции на гармонические составляющие дает столь высокую амплитуду движения духа, что включает в пространство новой гармонии отношений не только людей, но и животных, растения, предметы и стихии.

Фурье завораживает пифагорейская рифма между алгеброй, музыкой, колористикой, физиологией и политической теорией. Единое знание, скрытое в основе всех наук. Новая природа, скрытая внутри старой, как цыпленок в яйце.

Преодоление экономического отчуждения оказывается условием для преодоления отчуждения человека от природы и преобразования самой природы.

И тогда нам наконец станет доступен аромаль – душа ароматов, которая заставит моря благоухать, а планеты – испытывать сексуальное влечение друг к другу.

Бестиарий утопии

Тоже касается и щегла, живущего у нас в «Циолковском». Мы завели его в приступе фурьеризма.

Согласно Фурье, щегленок – живая эмблема резонных социальных амбиций выходцев из простонародья, пернатая аллегория страсти к преобразованию мира на основах коммунитарной магии. При скромном оперении, голова этой птицы купается в красном цвете честолюбия, горит холодным, но ярким огнём альтернативной реальности гармонических надежд.

Впрочем, у Фурье весь животный мир есть набор вспомогательных эмблем. Пчёлы с их коллективным мёдом – обещание будущего, а осы с их бесполезными бумажными гнёздами – констатация позора нынешней цивилизации. Мир должен быть правильно прочитан, чтобы быть пересозданным.

Гармония обещает появление альтернативных видов, вроде анти-жирафа и анти-кита. В новом эоне произойдет земная материализация геральдических химер, воплощение условных зверей эдемского сада, которые устали быть просто метафорами иного бытия.

Фурьеризм

В Европе 1840-х фурьеризм сформировал целое литературное направление, суть которого – чувственный утопизм и стремление за пределы цивилизации с её бескрылой моралью и подавляющей логикой.

Но первое же поколение учеников Фурье (Виктор Консидеран и его школа), публикуя и комментируя труды своего пророка, старалось дозировать и убавлять «безумную» и слишком «страстную» сторону его проекта. Первые фурьеристы полагали, что их Учитель часто не отличал зеркал от окон, как и полагается всякому вдохновенному утописту. Их прежде всего впечатляли выпады Фурье против рыночного хаоса, финансовых спекуляций и власти монополий. К тому же было решено, что некоторые детали, безделушки и фрукты грядущей гармонии, описанные в его прожектах, настолько рассмешат или скандализуют не подготовленного обывателя, что лучше бы пока оставить их в тени. При грядущем комбинаторном т. е. переходном строе сознание людей должно изменяться постепенно вслед за поэтапными переменами в их жизни, тогда как перед самим пророком «социетарный строй» во всех своих удивительных деталях предстал почти сразу, как озарение, и затем лишь слегка уточнялся. Достаточно и того, что фурьеристы были первыми открытыми феминистами Европы. Фурье ввёл в политический обиход и сам этот термин.

Отдал дань фурьеризму и молодой писатель Федор Достоевский, проникшийся этим учением в кружке Петрашевского, главного распространителя идей Фурье в тогдашнем Петербурге. А вот герои позднего романа Достоевского «Бесы», радикалы и нигилисты нового поколения, уже не так уважают Фурье. Шигалев называет его «сладкой и отвлеченной мямлей».

Русские народники Чайковский и Мошков отправились в Канзас, к фурьеристу Вильяму Фрею, чтобы организовать там идеальный фаланстер, но не особенно в этом преуспели. Таких опытов в тогдашней Америке было очень много.

Нередко фурьеристские общины взрывала изнутри программа «свободной любви» – попытки упразднить семью ссорили всех между собой, чрезвычайно запутывали отношения общинников и разрушали их коллективы.

Андре Бретон увлекся тропами Фурье в американской эмиграции, поместил его в сюрреалистический иконостас и даже позаимствовал из его глоссария название («Абсолютное уклонение») для международной выставки сюрреалистов в 1965. В своей «Оде Фурье» он показывает утопическую силу как гигантского и двусмысленного весеннеглазого агнца, потрясающего основы. Бретон обращается к памятнику Фурье на бульваре Клиши, расплавленному вишистами, и рассказывает свободному подножию, что случилось с двенадцатью страстями, освобождение которых обещало гармонию, и почему так и не состоялся «гастрософический режим». Для сюрреалистов фурьеристские прожекты были прежде всего литературными опытами, через которые сигналил бессознательное.

В 1969 г. Ги Дебор и ситуационисты ненадолго восстановили на пустующем постаменте гипсовую и собственную версию памятника. Позже там стоял прозрачный гроб. А сейчас на сохранившемся пьедестале сияет зеркальное эдемское яблоко в память о разнице стоимостей яблок, с которой Фурье начинает политэкономическую критику цивилизации.

Десублимация

Для французской богемы двадцатого века Фурье это изобретатель политической оптики десублимации желаний, искаженных и заколдованных репрессивной антагонистичной системой. Десублимация как условие исполнения миссии человека. Возврат к полиморфной сексуальности – предпосылка нового мира под новыми небесами.

Фурье особо подчеркивал новую сексуальную рациональность фаланстеров. «Ангельская» пара, регулярно избираемая большинством, как самая красивая и совершенная, пускает в свою постель всех, кто этого захочет в благодарность за признание своего статуса. В наказание за грех, совершенный против общества, «Сферическая Иерархия» назначает число раз и число людей, с которыми провинившийся должен заняться любовью, чтобы лучше почувствовать своё единство с другими гражданами гармонии и исправиться. Исходит эта «иерархия» не из какого-то абстрактного права, но из имеющихся у всех научных таблиц, учитывающих положение звезд, направление ветров, календарное число, возраст человека, цвет его глаз и т. п.

Управление погодой и климатом с помощью приручения северных сияний и расцветание в небе полезных венцов, благословляющих этот социализм сладкоежек и эротоманов, прямо отсылает нас к фрейдомарксисту и первому теоретику сексуальной революции Вильгельму Райху, который через сто лет после Фурье пробовал управлять климатом с помощью открытого им оргонного излучения, призванного на радость всем битникам и «новым левым» стереть «иллюзорную» границу между мертвым и живым. Райх начинал с совершенно фурьеристских планов изобретения новой сексуальности пролетариата, а закончил построением машин, вызывающих дождь во время засухи и провоцирующих оргазм у «неживой» материи. В маккартистские годы ФБР на всякий случай засекретило эти исследования и посадило Райха в тюрьму, где он и умер.

Фурье предсказывает оргонную теорию Райха, опознавая планеты и звезды, как потенциально живые тела, подверженные влечениям, недугам и экстатическим приступам и описывая власть сверхлюдей будущего над универсальной энергией мироздания.

Эта фурьеристская линия длится и далее, в страстной и бунтарской контркультуре 1960–70-х, вплоть до неоанархиста Хаким Бея. Или в менее политизированной версии вплоть до «Нью Эйджа», адепты которого ожидают преобразования, «Эры Водолея» и стирания границы между техникой и магией под новыми небесами, которые всех сделают волшебниками. А в среде энтузиастов науки ближе всего к фурьеристской утопии влиятельный культ сингулярности, обещающей освободить информацию из прежних оков и сделать весь мир чувственным, фрактально организованным компьютером или, говоря иначе, впустить нас в мир, который всегда и был таким живым компьютером, непрерывно занятым самонастройкой.

Итак, у нас есть два века утопической традиции, основанной на освобожденной фантазии, магической математике и разбуженной чувственности. Что это для вас значит?

Уподобьтесь щеглу и настройтесь на несущий лучи космической жизни аромаль. В случае удачи, он погрузит вас в полный унитеизм и подключит ваше сознание к миру, который является ответом, а не вопросом.

Предисловие

В начале, как и в конце данного труда, я хочу привлечь внимание читателя к истине совершенно новой для людей *цивилизированных*. Дело в том, что теория четырех движений – социального, животного, органического и материального – единственное исследование, достойное разума. Это – исследование всеобщей системы природы, проблема, выдвинутая Богом перед всеми планетами, их обитатели могут достигнуть счастья лишь при ее разрешении.

До сих пор вы не решили этой проблемы и даже не исследовали ее: вы коснулись лишь четвертой и последней ветви этой теории материального движения, законы которого раскрыты Ньютоном и Лейбницем. Я неоднократно буду ставить вам в упрек это запаздывание человеческого разума.

Прежде чем опубликовать мою теорию, я дам в этом томе беглый ее набросок, присоединив к нему мои рассуждения о политическом невежестве *цивилизированных*. Наиболее яркими показателями этого невежества служат:

порочность системы супружества, охарактеризованная мною во второй части;

порочность системы торговли, охарактеризованная в третьей части, и *легкомыслие философов*, не сумевших найти лучший способ сочетания полов и обмена промышленных продуктов.

Несомненно, это вещи второстепенные по сравнению с событием столь значительным, как открытие законов движения, но необходимо коснуться некоторых комических сторон политики *цивилизированных*, дабы они почувствовали, что существует наука более точная, которая приведет в замешательство философские науки¹.

Читатель должен помнить, что одно возмещаемое мною открытие важнее всей остальной научной работы, проделанной за время существования рода человеческого.

В настоящее время, все помыслы цивилизованных должны быть направлены к выяснению вопроса, действительно ли я открыл теорию четырех движений, потому что в положительном случае следует предать сожжению все теории – политические, моральные и экономические, и готовиться к событию самому изумительному, самому счастливому для данного земного шара и для всех планет – к внезапному переходу от социального хаоса к универсальной гармонии.

¹ «Отвергая все известные ему философские науки, Фурье возмущался также их пассивным характером, тем что они ограничиваются лишь наблюдением явлений, и попытками их объяснения. Между тем, с его точки зрения, необходимо из изучения природы (в том числе природы человека и общества) делать действенные выводы, направленные на коренные изменения, с целью осуществить порядок, соответствующий открытым наукой природным закономерностям». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 70).

Вступительное слово

О легкомыслии цивилизованных наций, позабывших или пренебрегших двумя отраслями исследования, которые ведут к теории судеб, исследованием земледельческой ассоциации и притяжения страстей; и о пагубных результатах этого легкомыслия, бесполезно, же на протяжении двадцати трех веков удлиняющего продолжительность социального хаоса, т. е. существования обществ цивилизованного, варварского и дикого, отнюдь не соответствующих предназначению рода человеческого.

Обилие великих умов, порожденных *Цивилизацией*, особенно в XVIII веке, наводит на мысль, что все поприща мысли уже исчерпаны и что в дальнейшем не приходится ожидать не только великих открытий, но и открытий средней руки.

Это предубеждение будет мною рассеяно, люди поймут, что они постигли едва одну четверть того, что постигнуть необходимо, и что все сразу постигается благодаря теории общих судеб. Это ключ ко всем мыслимым достижениям человеческого ума. Эта теория сразу дает возможность познать то, для постижения чего, при медлительности ныне применяемых методов, могло понадобиться еще десять тысячелетий.

Возвешение этой теории, и уже само по себе обещание поднять человека на уровень понимания судеб, может на первых порах породить недоверие. Итак, я считаю уместным ознакомить читателя с теми приметами, которые привели меня на этот путь. Мое пояснение докажет, что открытие не требовало ни малейших научных усилий и что самый рядовой ученый мог бы сделать его раньше меня, если бы он имел требуемое для этого качество – отсутствие предрассудков.

Для точного определения судеб у меня было соответствующее качество, которого нет у философов, они служат оплотом предрассудков, они внедряют предрассудки, делая вид, что противоборствуют им.

Под философами я понимаю лишь творцов неточных наук – политиков, моралистов, экономистов и прочих, чьи теории не уживаются с опытом, являясь плодом лишь досужей фантазии их авторов. Пусть читатель помнит, что, говоря о философях, я всегда имею в виду лишь философов ненадежной категории, а не творцов точных наук.

I

Приметы и методы, приведшие к объявленному открытию

Я меньше всего помышлял об исследовании *судеб*, я разделял общее мнение относительно их непроницаемости, и все точные исчисления в этой области я считал бреднями астрологов и чародеев. Исследования, приведшие меня в дальнейшем на этот путь, первоначально касались лишь проблем производственных или политических, о которых я постараюсь дать некоторое понятие.

Ввиду бессилия, проявленного философами при их первом опыте с французской революцией, все признали их науку заблуждением человеческого ума; мнимые потоки политического и морального просвещения оказались сплошной иллюзией. Можно ли усматривать что-либо иное в писаниях этих ученых, которые, употребив двадцать пять столетий на совершенствование своих теорий, сосредоточив у себя все научные достижения человечества античной и новой эпохи, для начала порождают столько бедствий, сколько сулили благодетелей, и сталкивают *цивилизированное* общество на ступень варварства.

Таков итог первого пятилетия, на протяжении которого во Франции применялись философские теории.

После катастрофы 1793 г. иллюзии рассеялись; политические и моральные науки поблекли и были безвозвратно дискредитированы. Отныне стало ясно, что от приобретенных знаний не приходится ждать счастья, что социального благоденствия надо искать в какой-то новой науке и проложить новые пути политическому гению; было очевидно, что ни философы, ни их соперники не умеют исцелить от социальных бедствий и что под прикрытием догм, проповедуемых и теми и другими, вечно будут существовать самые позорные бедствия, в том числе бедность.

Вот те соображения, которые впервые натолкнули меня на мысль о существовании еще неведомой социальной науки и побудили меня стремиться к ее открытию. Незначительность моих познаний меня не пугает: я считал для себя честью постигнуть то, чего люди не сумели открыть за двадцать пять веков учености. К моим занятиям меня поощряли многочисленные показатели заблуждения человеческого разума и в особенности зрелище бедствий, претерпеваемых общественным производством: бедность, безработица, мошенничество, морское пиратство, торговая монополия, принудительное обращение в рабство (*l'enlèvement des esclaves*) и много других бедствий, перечислять которые я не стану и которые невольно наводят на мысль: *не есть ли цивилизованная промышленность бедствие, изобретенное Богом в наказание роду человеческому?*

Отсюда я пришел к заключению, что в этом производстве естественный порядок как-то извращен, что оно функционирует, пожалуй, вразрез с предначертаниями Бога, что упорно продолжающиеся бедствия следует приписать отсутствию каких-то установлений, угодных Богу и неведомых нашим ученым. И, наконец, я пришел к мысли о том, что если, как говорит Монтескье, человеческое общество чахнет, страдает внутренним изъяном, отравлено тайным и скрытым ядом, то для исцеления его надо сойти с путей, проторенных неточными науками, не находившими способа исцеления на протяжении стольких веков. Итак, в своих изысканиях я взял за правило абсолютное сомнение и абсолютное отрешение от усвоенных приемов. Я должен охарактеризовать оба эти метода, до меня никем еще не примененные.

1. *Абсолютное сомнение*. Декарт имел о нем представление, но, восхваляя и рекомендуя сомнение, он применял его лишь частично и не к месту. Его сомнения были смешны, он сомневался в собственном существовании и занимался преимущественно опровержением древних софизмов, а не исканием полезных истин.

Последователи Декарта использовали метод сомнения еще в меньшей мере. Они сомневались лишь в том, что им не нравилось. Например, будучи противниками духовенства, они взяли под сомнение самую необходимость религий, но они остерегались ставить под вопрос необходимость наук политических и моральных, которые давали им средства к жизни, теперь они признаны совершенно бесполезными при правительствах сильных и весьма опасными при правительствах слабых.

Не будучи связан ни с каким научным течением, я решил усомниться в правильности взглядов тех и других без различия, вплоть до общепризнанных положений. Я имею в виду самую *Цивилизацию*, идола всех философских школ, видящих в ней верх совершенства. А между тем, что может быть менее совершенно этой *Цивилизации* с сопутствующими ей бедствиями? Что может быть сомнительнее ее необходимости и грядущей прочности? Не напрашивается ли мысль, что это лишь одна из ступеней на пути общественного развития? Если ей предшествовали три других общества: дикость, патриархат и варварство, следует ли отсюда, что *Цивилизация* есть последняя ступень, потому, что она есть четвертая? Разве не могут народиться другие общества, разве мы не увидим пятый, шестой, седьмой общественный строй, быть может, менее гибельные, чем *Цивилизация*, и неведомые нам до сих пор лишь потому, что мы не старались их открыть? Итак, надо взять *Цивилизацию* под сомнение, усомниться в ее необходимости, в ее превосходстве и в ее незыблемой прочности. Философы не дерзают ставить перед собой этот вопрос, потому что взять под подозрение *Цивилизацию*, значило бы навлечь подозрение в никчемности на их собственные теории, тесно увязанные с *Цивилизацией* и отмирающие с ней при рождении лучшего общественного строя, идущего ей на смену.

Итак, философы ограничиваются частичным скептицизмом. Объясняется это тем, что им выгодно поддерживать корпоративные писания и предрассудки; и из боязни подорвать успех своих книг и своих школ, они всегда лицемерно обходили самые существенные вопросы. Не поддерживая ни одного из течений, я мог усвоить абсолютное сомнение и применить его первым долгом к *Цивилизации* и к ее самым закоренелым Предрассудкам.

2. *Абсолютное отрешение*. Я пришел к заключению, что наивернейший способ прийти к полезным открытиям – это отрешиться совершенно от приемов, усвоенных неточными науками, никогда не давшими обществу ни малейшего полезного изобретения, несмотря на огромный прогресс промышленности, им не удалось даже предотвратить бедность. Итак, я поставил себе задачей находиться постоянно в оппозиции к этим наукам, ввиду наличия у них множества писателей я решил, что все трактуемые ими вопросы должны быть полностью исчерпаны и что поэтому братья надо лишь за проблемы, никем из них не затронутые.

Следовательно, я избегал каких либо изысканий по вопросам касающимся *Трона* и *Алтаря*², безуданно занимавших философов с первых шагов их науки, философы всегда искали общественного блага в административных и религиозных новшествах, я, наоборот, старался искать блага в мероприятиях, не имеющих никакого отношения ни к управлению, ни к священству, в мероприятиях по существу производственного и бытового характера, совместимых с любым правительством, и не нуждающихся в его вмешательстве.

Руководствуясь этими двумя принципами – абсолютного сомнения в отношении всех предрассудков и абсолютного отрешения от всех известных теорий, – я непременно должен был выйти на какой-нибудь новый путь, если таковой имеется; но я и не мечтал постигнуть судьбы мира. Не питая столь больших претензий, я на первых порах вращался лишь в кругу самых заунывных проблем, главные из них на мой взгляд: *земледельческая ассоциация* и способ косвенного пресечения *торговой монополии островитян*. Я называю обе эти проблемы, потому что они связаны друг с другом и разрешение одной решает другую. Нельзя косвенно уничтожить монополию островных держав, не создав земледельческой ассоциации, и наоборот

² Имеются в виду отношения государства и церкви. – Примеч. ред.

стоит изыскать способ осуществления земледельческой ассоциации, и это без боя уничтожит *островную монополию*, пиратство, ажиотаж, банкротство и другие бичи, гнетущие промышленность.

Я тороплюсь осветить выводы, чтобы заинтересовать проблемой земледельческой ассоциации, к этому вопросу относились, видимо, столь безучастно, что ученые ни разу не потрудились им заняться.

Прошу читателя помнить, что я считаю необходимым ознакомить его с соображениями, которые привели меня к моему открытию. Таким образом, я собираюсь обсудить вопрос, как будто не имеющий отношения к судьбам мира: я имею в виду земледельческую ассоциацию. Начав задумываться над этим вопросом, я и сам не предполагал, что столь скромные рассуждения могут привести меня к *теории судеб*. Но поскольку эти размышления послужили ключом, я должен остановиться на них несколько пространно.

II

О земледельческой ассоциации

Решение этой проблемы, обычно столь пренебрегаемое, привело меня к разрешению всех политических проблем. Как известно, от малого до великого один шаг: с помощью металлической иглы мы подчиняем себе молнию и ведем корабль во мраке и в бурю. Мой способ прост, и все же с помощью его можно положить конец всем социальным бедствиям. В наши дни, когда *Цивилизация* купается в крови, чтобы утолить зависть торговых соперников, людям, несомненно, будет интересно узнать, что имеется мероприятие производственного характера, которое навсегда положит этому конец, без всякой борьбы, и что *морская держава*, до сих пор внушавшая столько страха, будет сведена к абсолютному ничтожеству благодаря земледельческой ассоциации.

Такое мероприятие было неосуществимо в античные времена, потому что земледелец был тогда рабом, греки и римляне продавали хлебопашца как вьючное животное, и философы это санкционировали: они никогда не протестовали против этого гнусного обычая. Ученые имеют обыкновение считать невозможным все, чего не пришлось им видеть, они воображали, что без ниспровержения общественного строя освободить земледельца невозможно. Однако освободить земледельцев удалось, а общественный строй благодаря этому лишь лучше организован. Теперь философы предубеждены против земледельческой ассоциации, как раньше в вопросе рабовладения. Они считают ассоциацию невозможной только потому, что она никогда не существовала. Видя, как семейства селян работают разобщенно, они воображают, что никаким способом ассоциировать их нельзя, или, по крайней мере, они делают вид, что так думают, в этой области, как и во всякой другой, они в собственных интересах ссылаются на неразрешимость любой проблемы, которую они не умеют решить.

И тем не менее, людям не раз уже приходила в голову мысль об огромной экономии и огромных улучшениях, которые получились бы в результате объединения в производственную ассоциацию (*societe industrielle*) жителей каждого селения, с тем, чтобы возделывающие тот или иной кантон две – три сотни семейств неравного достатка были ассоциированы прямо пропорционально наличному у них капиталу и производству.

На первых порах эта идея представляется гигантской и неосуществимой благодаря усматриваемой в страстях помехе такого рода объединению; это препятствие пугает, тем более, что преодолевать страсти постепенно нельзя. Объединить в земледельческое общество двадцать, тридцать, сорок, даже сто индивидуумов невозможно; чтобы образовать естественную или приятательную ассоциацию, нужно, по меньшей мере, восемьсот человек. Говоря так, я имею в виду такое общество, члены которого будут вовлекаться в трудовые функции соревнованием, самолюбием и другими стимулами, уживающимися с личной заинтересованностью. Строй, о котором идет речь, заставит нас горячо полюбить земледелие, ныне внушающее людям такое отвращение, что занимаются им только в силу необходимости и из боязни умереть от голода.

Я опускаю подробности изысканий, проделанных мной, когда я работал над вопросом естественной ассоциации; этот строй столь противоположен нашим жизненным навыкам, что я не тороплюсь ознакомить с ним читателя. Описание его показалось бы смешным, если бы я не подготовил к нему читателя беглым обзором огромных выгод, из него вытекающих.

Земледельческая ассоциация, если допустить, что она охватит около одной тысячи человек, представляет столь огромные преимущества для производства, что совершенно непонятна беспечность наших современников в этом вопросе, ведь существует целая категория ученых и экономистов, занимающихся специально обсуждением способов совершенствования производства. Их пренебрежительное отношение к изысканию метода ассоциации тем более непонятно, что сами они уже указали на некоторые преимущества, из нее вытекающие; так, напри-

мер, они уже поняли, и каждый должен это понять, что у трехсот семейств ассоциированных селян был бы лишь один единственный, тщательно содержанный амбар, вместо трехсот амбаров, плохо содержанных, один единственный чан, вместо трехсот чанов, обычно чрезвычайно запущенных; что, в целом ряде случаев, особенно в летнее время, у них топились бы три – четыре больших печи вместо трехсот; что они посылали бы в город только одну молочницу с бочкой молока на рессорной тележке и сэкономили бы на этом полсотни дней, затрачиваемых сотней молочниц на доставку в город сотни жбанов молока. Мысль о такой экономии приходила в голову целому ряду наблюдателей, а ведь они не отметили и одной двадцатой доли материальных выгод, порождаемых земледельческой ассоциацией.

Ее сочли неосуществимой только потому, что не знали способа ее образования; но разве это – основание для заключения о невозможности открыть этот способ и о ненужности соответствующих изысканий? Принимая во внимание, что *земледельческая ассоциация* утроила бы, а зачастую и десятикратно увеличила бы доход от обработки земли, нельзя сомневаться в том, что Бог не подумал о способах ее основания, потому что он должен был первым долгом над организацией производственного механизма, этого стержня человеческих обществ.

Торопясь противопоставить мне свои доводы, несогласные со мной, выдвинут ряд возражений. Как ассоциировать семейства, если у одного из них 100 тыс. фунтов, а у другого ни гроша? Как распутать столько различных интересов, примирить столько противоречивых волевых устремлений? Как уничтожить все проявления зависти, сочетав все интересы в едином плане? В ответ на это я укажу на приманку, заключающуюся в богатстве и удовольствиях: сильнейшая страсть как крестьян, так и горожан – любовь к наживе. Когда они увидят, что кантон, ассоциированный при равных шансах, приносит дохода в три, в пять, в семь раз больше, чем кантон, где семьи хозяйничают индивидуально, да еще обеспечивает всем членам ассоциации самые разнообразные наслаждения, они позабудут зависть и соперничество и поторопятся образовать ассоциацию, без всякого принуждения со стороны закона она распространится на все районы, потому что все люди страстно любят богатство и утех.

Резюмирую: эта теория земледельческой ассоциации, которой суждено изменить участь рода человеческого, льстит страстям, которые присущи всем людям, она соблазняет их приманкой наживы и наслаждений; в этом гарантия ее успеха у дикарей и варваров, точно так же как и у *цивилизованных*, потому что страсти всюду одни и те же.

Я не тороплюсь ознакомить с этим новым строем, который я *назову прогрессивными сериями (series), или сериями групповыми, или сериями страстей*³.

Так именую я совокупность нескольких ассоциированных групп, посвятивших себя различным отраслям одного и того же производства или различным видам одной и той же страсти. С этим можно ознакомиться в примечании А⁴ (в конце тома), где я несколько подробнее останавливаюсь на организации прогрессивных серий; этих сведений еще недостаточно, но они оградят от ошибочного представления об этом механизме, которое могло бы сложиться на основании ряда сообщенных мною подробностей, обычно извращаемых при передаче из уст в уста.

³ «Страсть (характер, вкус, мания) есть несводимое единство фурьеристской комбинаторики, абсолютная графема утопического текста. Страсть естественна (в ней нечего исправлять, разве что производить некую контрприроду, то, что происходит в Цивилизации). Страсть беспримесна (ее сущность чиста, сильна, резко очерчена: одна лишь цивилизованная философия рекомендует страсти дряблые, апатичные, контроль и компромисс). Страсть счастлива („Счастье... состоит в том, чтобы иметь много страстей и много средств для их удовлетворения“). Страсть не есть возвышенная форма чувства, мания не есть причудливая форма страсти. Мания (и даже прихоть) есть сама сущность страсти, единство, исходя из которого, обуславливается Притяжение (притягательное и притягивающее). Страсть не поддается ни деформации, ни трансформации, ни редукции, ни измерению, ни замене: это не сила, это число; мы не можем ни разложить, ни амальгамировать эту счастливую, искреннюю и естественную монаду, но можем лишь подвергнуть ее сочетанию, пока она не воссоединится с целостной душой, трансиндивидуальным телом, имеющим 1620 свойств». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. С. 132).

⁴ С. 374 данного издания

Теория страстных серий, или прогрессивных серий, не выдумана произвольно, наподобие наших социальных теорий. Закон этих серий во всем совершенно аналогичен закону геометрических рядов; все свойства последних присущи первым; пример – баланс соперничества между крайними и средними группами серии. Более подробно это объяснено в примечании А.

Страсти, которые считались врагами согласия и против которых написано много тысяч обреченных на забвение томов, страсти, говорю я, стремятся к согласованию, к социальному единству, которого они, казалось, столь чужды, но гармония может установиться меж ними лишь по мере правильного развития в прогрессивных, или групповых сериях. Вне этого механизма страсти, спущенные с цепи тигры, непонятные сфинксы, именно это побуждает философов требовать их подавления. Требование вдвойне нелепо, так как с одной стороны, кроме как насилием и взаимным поглощением подавить страсти нельзя, с другой стороны, если бы каждый подавлял страсти, *Цивилизация* быстро пришла бы к закату, и человечество вернулось бы к состоянию кочевья, причем страсти были бы столь же пагубны, как и теперь среди нас: в добродетели пастухов я верю не больше, чем в добродетели их апологетов.

Социетарный (sociétaire) строй, который придет на смену хаосу Цивилизации, не приемлет ни умеренности, ни равенства, ни единой из философских концепций: ему нужны страсти пылкие и утонченные. По образованию ассоциации, страсти гармонизируются тем легче, чем они пламеннее и многообразнее.

Дело совсем не в том, что этот новый строй внесет какие-либо изменения в страсти, это не под силу ни Богу, ни человеку, но течение страстей можно изменить, не меняя их характера. Взять хотя бы такой пример: человек неимущий чувствует отвращение к браку, но предложите ему невесту с приданым в виде годового дохода в сто тысяч фунтов, и он охотно заключит узы брака, которые претили ему еще накануне. Значит ли это, что страсть его изменилась? Нет, но преобладающая в нем страсть – любовь к богатству – изменила свое направление; для достижения своей цели она пойдет путем, который не нравился ему вчера, характер ее останется неизменным, изменится лишь направление.

Итак, если я заранее утверждаю, что в новом строе вкусы у людей будут отличаться от их современных вкусов, и что пребывание в деревне они будут предпочитать жизни в городе, это отнюдь не значит, что с изменением вкусов изменятся страсти, люди по прежнему будут движимы любовью к богатству и к утехам.

На этом своем положении я настаиваю, чтобы устранить смехотворное возражение со стороны тупиц, услышав об изменении вкусов и привычек в результате установления *социетарного* строя, они тотчас же воскликнут: значит, вы измените страсти! Вовсе нет, но перед ними откроются новые возможности, у них будет в три – четыре раза больше простора для развития по сравнению с нынешним строем дисгармонии. В силу этого *цивилизованные* люди вскоре почувствуют отвращение к навыкам, милым их сердцу сейчас, например, к семейной жизни: они увидят, что в семье дети только и делают, что воюют, ломают, ссорятся и отказываются работать, тогда как те же дети, войдя в прогрессивные, или групповые серии, станут заниматься лишь производительным трудом по собственному побуждению: соревноваться, добровольно обучаться возделыванию земли, фабричному труду, наукам и искусствам, они станут производить и создавать доход, воспринимая в то же время свой труд как развлечение. Созерцая этот новый строй, отцы признают, что их дети прелестны в сериях и ненавистны в разобщенных семьях. Затем они увидят, что в резиденции *фаланги*⁵ (так именую я ассоциацию, распространяемую на целый кантон) чудесно питаются, что расходуя на стол втрое меньше, чем в семье, стол сервируют там в три раза деликатнее и обильнее, так что питаться там можно втрое лучше, а расходовать при этом втрое меньше, чем в семье, притом минуя все трудности

⁵ Имеется в виду фаланстер, в самой первой работе Фурье это определение не употребляется, но уже во втором томе появляется и план фаланстера. – *Примеч. ред.*

продовольственного снабжения и приготовления пищи. И, наконец, видя, что во взаимоотношениях серий отсутствует обман и лукавство, что народ, лживый и коварный при *Цивилизации*, лучезарно правдив и учтив в сериях, люди почувствуют отвращение к семейному очагу, к городам, к *Цивилизации*, ко всем этим предметам их теперешней любви; они захотят ассоциироваться в серийную фалангу и жить в ее здании, они откажутся от навыков и вкусов, свойственных им сейчас. Но значит ли это, что изменятся их страсти? Нет, но движение страстей будет иным, хотя целевая установка и характер их останутся неизменными. Итак, ошибаются те, кто думает, что строй прогрессивных серий, отличный от строя *Цивилизации*, внесет хотя бы малейшее изменение в страсти; они были и будут неизменны, независимо от того, порождают ли они разлад и бедность вне прогрессивных серий, или согласие и богатство⁶ в *социетарном* строе, который предуготован нам судьбой и образование которого в каком-либо одном кантоне вызовет стихийное подражание по всей стране в силу приманки, заключающейся в огромной доходности и в бесчисленных наслаждениях, обеспечиваемых этим строем всем индивидуумам, при всем их имущественном неравенстве.

Перехожу к результатам этого изобретения под углом зрения науки.

⁶ «В Гармонии богатство не только сохраняется, но еще и увеличивается, оно вступает в игру счастливых метафор, наделяя фурьеристские демонстрации то церемониальным блеском драгоценных камней („капля алмаза в лучезарном треугольнике“, орден за святость в любви, т. е. за всеобщую проституцию), то скромностью, исчисляемой в су „20 су Расину за его трагедию „Федра“; правда, эта сумма приумножена всеми кантонами, решившими почтить драматурга); сами операции, связанные с деньгами, также являются мотивами для приятной игры: эта игра в войне любви состоит в искуплении (выкупе) пленных. Деньги причастны сиянию удовольствия („Органы чувств не могут по настоящему вознестись в небо без посредства денег“); деньги желанны, как это было в прекрасную эпоху цивилизованной коррупции, а пройдя эту эпоху, они увековечиваются на правах роскошного и „неподкупного“ фантазма». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. С. 113).

III

О притяжении страстей под углом зрения точных наук

То ли в силу нерадения, то ли из боязни провала, ученые пренебрегали исследованием проблемы ассоциации. Что бы ими ни руководило, но они этим пренебрегали. Я занялся этой проблемой, первый и единственный. Отсюда явствует, что если теория ассоциации, неведомая доселе, может привести к другим открытиям, если она послужит ключом к некоторым новым наукам, они должны быть поставлены в заслугу мне одному, потому что я один искал и обрел эту теорию.

Что касается новых наук, доступ к которым она открывает, то я ограничусь указанием лишь двух главных, и так как эти подробности широкому кругу читателей не интересны, то я буду по возможности краток.

Первой открытой мною наукой является теория притяжения страстей.

Когда я понял, что прогрессивные серии обеспечивают полноценное развитие страстям людей обоих полов, различных возрастов и классов, что в этом новом строе человек будет обладать тем большей силой и тем большим богатством, чем больше у него будет страстей, я догадался, что, отводя такое влияние притяжению страстей и так мало влияния враждебному им разуму, Бог это делал для того, чтобы мы усвоили строй прогрессивных серий, вполне соответствующий закону притяжения. С этого момента я полагал, что притяжение, столь хулимое философами, является истолкователем предначертаний Бога относительно социального строя, и я пришел к аналитическому и синтетическому исследованию притяжения и отталкивания страстей; в каком бы направлении они ни действовали, они ведут к земледельческой ассоциации. Итак, законы ассоциации были бы открыты сами собой, если бы кто-либо потрудился произвести анализ и синтез притяжения. Об этом никто не подумал даже в XVIII веке, когда впутывали аналитический метод всюду, но только не для исследования притяжения.

Теория страстного влечения и отталкивания есть нечто незыблемое, где целиком применимы геометрические теоремы: в ней заложена возможность широкого развития, она будет давать пищу мыслителям, которые, как мне кажется, сильно затрудняются применить свою метафизику к какому-либо ясному и полезному предмету исследования.

Итак, о связи между новыми науками. Скоро я понял, что законы страстного влечения по всей линии соответствуют законам материального притяжения, открытым Ньютоном и Лейбницем, и что существует единство движения мира материального и мира духовного.

Я подозревал, что эта аналогия может простирается от общих законов к законам частным (*particulieres*), что влечения и свойства животных, растений и минералов, быть может, были координированы по тому же плану, что свойства человека и небесных тел; в этом я и убедился после необходимых изысканий. Так была открыта новая точная наука: аналогия четырех движений; материального, органического, животного и социального, или аналогия модификации материи с математической теорией страстей, свойственных человеку и животным.

Открытие этих двух точных наук открыло мне глаза и на другие науки. Приводить здесь их перечень не имеет смысла, они охватывают все, вплоть до литературы и искусств, и во всех отраслях человеческого знания установят те же точные методы.

Овладев двумя теориями притяжения и единства четырех движений, я проник в волшебные тайны природы, они раскрылись предо мной одна за другой, и я сорвал завесу, слышную непроницаемой. Я шел вперед в этом новом научном мире, так постепенно дошел я до исследования мировых судеб, до определения той основной системы, с которой сообразованы законы всех движений в прошлом, настоящем и будущем.

При наличии такого успеха не знаешь, чему больше удивляться: то ли игре судьбы, открывшей мне столько новых наук при помощи небольшого исследования ассоциации, кото-

рая служит ключом к ним, то ли легкомыслию ученых, целых двадцать пять веков не размышлявших над этим вопросом, несмотря на исчерпание ими стольких других отраслей исследования. Полагаю, вопрос будет разрешен в мою пользу, и размеры моих открытий будут изумлять меньше, чем беспечность веков, пренебрегавших такими открытиями.

Я уже утешил ученых в их невзгоде, поведав им, что всех их ждет обильная жатва славы и богатства, новых наук много больше, чем золотых россыпей при открытии Америки. Но, не обладая знаниями, необходимыми для развития этих наук, я возьму себе только одну единственную науку о социальном движении. Все остальные я оставляю людям различных категорий, обладающим эрудицией. Это великолепное поле для их размышлений.

Как нуждались они в этой новой пище! Ученые всех категорий изнемогали и жалко прозябали. Они двадцать раз пережевывали и перетряхнули все, вплоть до последнего зернышка в известных науках; им только и оставалось, что выдумывать софизмы для последующего их опровержения и писать целые тома за и против, то выдвигая, то опровергая каждое ошибочное положение.

Отныне картина меняется: от абсолютного убожества ученые перейдут к необъятному богатству, жатва будет столь обильна, что все они смогут принять в ней участие и стяжать колоссальную славу, потому, что они первые начнут разработку этого научного пласта, жилы которого сулят им богатство. Начиная со второго *мемуара*, где я буду трактовать движение животное и органическое, каждый сообразно своей компетенции сможет наметить себе объект для разработки и сочинять трактаты по линии точных наук. Я настаиваю на термине «точная наука»: этот термин совершенно неуместно применяется к наукам расплывчатым и капризным, какова ботаника, различные системы ее имеют в основе совершенно произвольную классификацию. Они не имеют ничего общего с естественным методом, который заключается в сведении всех форм и свойств созданных предметов к единому общему типу, к математической системе человеческих страстей.

Я дал понять, что науки станут, наконец, развиваться определенным образом на основе единого неизменного метода. Уже во втором *мемуаре* я дам некоторое представление об этом методе, который сводит все к нашим страстям. Во всем существующем этот метод обнаруживает картину игры страстей, и эта аналогия внесет в самые неприятные исследования, например, анатомические, больше прелести, чем представляет для нас сейчас изучение цветов.

К числу счастливых результатов этого метода, прежде всего, относится открытие специфических лекарств от каждой болезни. Нет недуга, от которого не существовало бы одного или нескольких противоядий в том или другом из трех царств. Однако, не обладая правильной теорией для отыскания неведомых лекарств, медицина вынуждена была идти ощупью на протяжении веков и даже тысячелетий, пока случайно не попадалось лекарство; так и не найдено до сих пор естественного противоядия от чумы, бешенства и подагры: они будут найдены благодаря *теории четырех движений*. Медицина, как и все другие науки, выйдет из длительного младенческого состояния и на основе точного исследования контр-движений поднимется на ступень познания всего того, что до сих пор было для нее непостижимо.

IV

Заблуждения разума благодаря неточным наукам

Слава и знание, несомненно, желательны, но при отсутствии благосостояния их недостаточно. Просвещение, трофеи и другие иллюзии не ведут к счастью, которое заключается прежде всего в обладании богатством. Ученые при *Цивилизации* обычно несчастны, потому что бедны: дарами счастья они будут наслаждаться лишь при новом общественном строе, идущем на смену *Цивилизации*. При этом социальном строе любой ученый или артист при наличии действительной заслуги станет обладателем колоссального богатства, ниже я укажу, как будет устанавливаться заслуга путем ежегодной постановки на голосование во всех кантонах земного шара вопроса о творениях, достойных увенчания.

Но рисуя точным наукам и искусствам открывающуюся перед ними блестящую карьеру, в каком тоне вещать мне о буре, которая разразится над старыми идолами *Цивилизации* – неточными науками? Облечусь ли мне в длинные траурные одежды, чтобы объявить политикам и моралистам, что пробил для них роковой час и что их огромные галереи с фолиантами погрузятся в Лету забвения, что Платоны, Сенеки, Руссо, Вольтеры и все корифеи неточных наук в античном и новом мире будут преданы забвению (я имею в виду не их литературные произведения, а лишь то, что имеет отношение к политике и морали).

Этот крах библиотек и репутаций не содержит в себе ничего оскорбительного для философского корпуса, так как его самые знаменитые представители уже сошли в могилу и не смогут наблюдать своего бесчестия. Что касается их живых последователей, пусть посвятят свои размышления счастью, их ожидающему, и познают радость проникновения в святилище природы, куда не имели доступа их предшественники.

Разве не предвидели они постоянно грозу, собиравшуюся над их головой? Они предвещали ее в своих знаменитых писаниях от Сократа, надеявшегося, что в один прекрасный день свет снизойдет на человечество, до Вольтера, который, горя нетерпением это видеть, восклицает: «Какой густой мрак окутывает еще природу!»⁷ Все сознают бессилие науки и заблуждения разума, который они задумали совершенствовать: все вместе с Варфоломеем⁸ в один

⁷ «Фурье стремится расшифровать мир, чтобы переделать его (ведь как переделать, не расшифровав?). Фурьеристская расшифровка исходит из самой трудной ситуации, заключающейся не столько в невыявленности знаков, сколько в их непрерывности. Есть высказывание Вольтера, которое Фурье непрерывно повторяет на собственный счет: „Но какая же густая ночь еще скрывает (вуалирует) природу“?; а ведь в вуали, в конечном счете, важна не столько идея маски, сколько идея скатерти. Еще раз: древнейшая задача логотета, основателя языка, состоит в том, чтобы без конца кроить язык: первая операция – «кусать» скатерть, чтобы впоследствии можно было ее стягивать (или тянуть на место). Следовательно, в известной мере надо отличать расшифровку от раскрытия. Расшифровка отсылает к полной глубине, к следам тайны. Раскрытием отсылает к пространству отношений, к некоей дистрибуции. У Фурье расшифровка постулируется, но на, в общей сложности, второстепенных правах: она касается лжи и притворства цивилизованных классов: так обстоят дела с „тайными принципами“ буржуазии, „которая начинает с того, что сто раз выпаливает ложь в своей лавке ради принципов свободной торговли. Поэтому буржуа послушает святую мессу, а возвратившись, трижды четыреста раз расскажет ложь, обманет и обокрадет тридцать покупателей ради тайного принципа торговцев: мы работаем не ради славы, нам нужны деньги“. Совершенно иное явление, обладающее совершенно иной важностью – раскрытие – или, иначе, систематизация (приведение в систему); такое прочтение, являющееся существенным для фурьеристской работы, касается всей Природы (обществ, чувств, форм, природных царств) в том, что она представляет собой целостное пространство Гармонии – ведь человек у Фурье абсолютно инкорпорирован в мироздание, включая небесные светила; теперь это не избыточное и умаляющее прочтение (ограниченное моральной ложью буржуазии), но прочтение возвышающее, интегрирующее, восстанавливающее, простирающееся до изобилия форм мироздания». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. С. 126).

⁸ Редакция не преуспела в попытках написать внятный комментарий о том, на какого именно Варфоломея намекал Фурье. Может быть имеется в виду Св. Апостол Варфоломей? Но в его житии, вплоть до момента его мученической смерти (а его распяли вниз головой, а потом (он продолжал проповедь) сняли с креста, сняли кожу и обезглавили) отсутствуют упоминания о высказываемой им вражде в адрес библиотек. Всех остальных Варфоломеев, которых удалось обнаружить, встроить в данный контекст не получилось. Вопрос этот остается пока непроясненным, и это интересная задача для будущих поколений российских фурьероведов. – *Примеч. ред.*

голос заявляют: «Эти библиотеки, мнимые сокровищницы божественных знаний, лишь жалкое собрание противоречий и ошибок».

К сожалению, это правда! За двадцать пять столетий существования наук политических и моральных ими не сделано ничего для счастья человечества: они способствовали лишь росту человеческого лукавства прямо пропорционально совершенствованию преобразовательных наук. В конечном счете, они увековечили лишь бедность и вероломство, помогая воспроизводить в различных формах те же бедствия. После стольких бесплодных попыток совершенствования социального строя удел философов – лишь смятение и отчаяние. Проблема народного счастья для них – непреодолимый подводный риф: разве зрелище нищеты в наших городах не ярко свидетельствует о том, что потоки философского просвещения – лишь потоки мрака?

Однако овладевшее всеми беспокойство говорит о том, что род человеческий не достиг еще цели, предназначенной ему природой; и эта всеобщая тревога предвещает нам какое-то крупное событие, которое изменит нашу судьбу. Изнемогая от бедствий, нации жадно цепляются за всякую политическую или религиозную мечту, которая сулит им проблески счастья, так отчаявшийся больной рассчитывает на чудесное исцеление. Чудится, что природа шепчет на ухо роду человеческому, что ему уготовано счастье, пути коего неведомы, и что чудесное открытие внезапно рассеет мрак *Цивилизации*.

Разум, как бы ни щеголял он своими успехами, не сделал для счастья ничего, поскольку он не дал человеку того общественного богатства, которое служит предметом всех сокровенных желаний. Под общественным богатством я разумею богатство, имеющее разные ступени, но ограждающее от нужды людей даже самых бедных и обеспечивающее им, по меньшей мере, то минимальное благосостояние, которое именуется у нас средним буржуазным достатком. Если бесспорно, что для человека, живущего в обществе, первым источником счастья после здоровья является богатство, значит все напыщенные теории разума, не сумевшего обеспечить нам относительного богатства или различных степеней достатка, суть бесполезные не достигающие цели разглагольствования, и открытие, мною здесь возвещаемое, было бы подобно теориям политическим и моральным – лишь новым посрамлением разума, если бы оно принесло нам познание, и еще раз познание, не дав богатств, необходимых нам в большей мере, чем наука.

Теория судеб осуществит сокровенные желания наций, обеспечив каждому богатство той или иной ступени, которое является предметом всеобщих желаний и обрести которое можно лишь при строе прогрессивных серий. Что касается *Цивилизации*, из недр которой нам предстоит выйти, то я докажу, что она далеко не является производственной судьбой человечества; это лишь временный бич, которым болеет большинство планет в первые эпохи своего существования; для рода человеческого; это лишь преходящая болезнь, как прорезывание зубов в детстве, она затянулась на лишние две тысячи триста лет благодаря нерадению философов, пренебрегавших исследованием ассоциации и притяжения. Я докажу, что общества, дикое, патриархальное, варварское, *цивилизованное*, лишь тернистые пути, ступени для достижения лучшего социального строя, строя прогрессивных серий, который и есть производственная судьба человека и вне которого никакими усилиями наилучших правителей не исцелить бедствий народных.

Итак, тщетно, философы, будете вы нагромождать библиотеки в поисках счастья, поскольку не искоренен самый корень всех социальных зол – разобщенность производства, этот антипод предначертаний Бога. Вы сетуете на природу, якобы отказывающую вам в познании ее законов; но поскольку до наших дней вы не сумели их раскрыть, к чему медлить с признанием ублюдочности ваших методов и с изысканием новых? Либо природа не хочет счастья людей, либо ваши методы осуждены природой, так как они не помогли вырвать у нее тайну, которой вы добиваетесь. Видели ли вы, чтобы она противодействовала усилиям физиков, как противодействует вашим усилиям? Нет, потому что физики изучают ее законы, вместо того

чтобы диктовать ей свои собственные; а вы изучаете лишь искусство глушить голос природы, глушить влечение, которое есть толкователь природы, так как в каком бы направлении оно ни действовало, оно способствует формированию прогрессивных серий. Какой контраст между вашими промахами и чудесами, которые вершат точные науки! Вы изо дня в день добавляете новые заблуждения к заблуждениям античного мира, а физические науки каждый день преуспевают на путях истины и бросают на современную эпоху лучезарный свет, по силе равный позору, неизгладимую печать которого ваши фантазмагии наложили на XVIII столетие.

Мы будем свидетелями зрелища, которое лишь однажды можно видеть на каждой планете; я имею в виду внезапный переход от дисгармонии к социальной комбинации. Это самый блестящий результат движения, которое может происходить в мире, чаяние этого результата должно вознаградить современное поколение за все его бедствия. В процессе этой метаморфозы каждый год будет значить больше, чем целые века существования, и будет изобиловать событиями столь изумительными, что без предварительной подготовки не подобает приоткрывать над ними завесу, это побуждает меня отнести к третьему трактату теорию комбинированного строя, или прогрессивных серий, а в данный момент возвестить лишь общие результаты. Эти результаты таковы:

внезапный переход дикарей к производству;

освобождение варварами женщин и рабов, чья свобода необходима для образования прогрессивных серий;

установление единства на земном шаре: единого языка, единых мер, единых типографских знаков и других способов общения.

Что касается отдельных особенностей *социетарного строя*, наслаждений, которые он нам принесет, то повторяю, придется умерить свой пыл, возвещая их людям *цивилизованным*. Опечаленные вечными бедствиями и философскими предассудками, они вообразили, что сам Бог уготовил для них страданье или незавидное счастье им не освоиться сразу с идеей благосостояния, которое их ожидает, и ум их восстанет, если им без предосторожности нарисовать перспективу тех наслаждений, которые уже не за горами. Ведь для организации каждого *социетарного* кантона потребуется не больше двух лет, а для установления строя прогрессивных серий на всем земном шаре – не свыше шести лет, даже при максимальных сроках.

В комбинированном строе с самого начала будет тем больше великолепия, чем дольше его ждали. В век Солона Греция могла уже его установить: ее роскошь достигла уже ступени достаточной, чтобы приступить к такой организации. Но в наши дни роскошь и утонченность вдвое превысили достижения афинян (они не знали ни рессорных колясок, ни хлопчатобумажных и шелковых тканей; ни сахара, ни иных американских и восточных продуктов; ни компаса, ни очков, ни других научных изобретений современного человека; не преувеличивая, можно сказать, что наши средства наслаждения и роскоши по меньшей мере вдвое превысили их возможности). Тем великолепнее развернется у нас комбинированный строй; теперь мы пожнем плоды успехов XVIII века в области физических наук, успехов, ранее невозможных. В недрах *Цивилизации* чудеса науки скорее губительны, чем полезны для счастья, потому что умножая средства наслаждения, они тем самым отягчают нужду огромного большинства, лишенного самого необходимого; они прибавляют мало к утехам сильных мира, пресыщенных отсутствием разнообразия в развлечениях, и только усиливают коррупцию, увеличивая приманки для жадности.

До сей поры наука, совершенствуя роскошь, работала лишь на плута: ему в обществе варварском и *цивилизованном* достичь богатства легче, чем праведнику. Эта несурзаца заставляет заключить одно из двух: либо зловреден Бог, либо зловредна *Цивилизация*. Рассуждая разумно, приходится остановиться на втором умозаключении: нельзя допустить, чтобы Бог был злодеем, а он действительно был бы таков, если бы осудил нас на вечное прозябание в лоне губительной цивилизации.

Вместо того чтобы рассматривать проблему под этим углом зрения, философы старались уклониться от рассмотрения вопроса о человеческом коварстве, чтобы не взять под подозрение либо *Цивилизацию*, либо Бога. Они усвоили межеумочный взгляд, точку зрения атеизма: гипотеза безбожия избавляет ученых от исследования предначертаний Божьих и побуждает их выдавать собственные сумасбродные и сумбурные теории за правило добра и зла. Атеизм чрезвычайно удобен для политических и моральных невежд, и те, кто снискал славу сильных умов за свою исповедь атеизма, на самом деле проявили этим свою слабую изобретательность. Боясь потерпеть крушение при исследовании предначертаний Божьих относительно социального строя, они предпочли отрицать самое существование Бога и восхвалять как совершенство данный строй *Цивилизации*, который они втайне ненавидят и лицемерие которого сбивает их с толку до такой степени, что они начинают сомневаться в самом провидении.

Эту оплошность совершают не только философы: если нелепо не верить в Бога, то не менее нелепо верить в него наполовину, думать, что Его Промысел⁹ не всеобъемлющ, что он пренебрег заботой о наших самых неотложных потребностях, какова потребность в социальном строе, который обеспечил бы нам счастье. Глядя на чудеса нашей промышленности, огромные суда и иные чудеса, преждевременные для нас, принимая во внимание наше политическое младенчество, нельзя себе представить, чтобы Бог, расточавший нам столько божественных знаний, намерен был отказать нам в искусстве общественного строительства (*l'Art social*), без которого *все остальное – ничто*. Не заслуживала ли бы порицания непоследовательность Бога, если бы такое количество благородных наук, к которым он нас приобщил, способствовало лишь цели создания общества со столь отвратительными изъянами, как *Цивилизация*?

⁹ «Мысли Фурье о провиденциальном порядке и всемирной гармонии восходят, если не к „Государству Господню“, Св. Августина, то к идеям Сведенборга, Дюпон де Немура, Бернарден де Сен-Пьера и других мистиков XVIII века. Его учение о всемирной аналогии напоминает высказывания тех же писателей, равно как и идеи Сен-Мартена... а отчасти и Шеллинга ставшего тогда известным во Франции. Космогоническая концепция Фурье вызывает в памяти некоторые черты космогонии тех же Сведенборга, Дюпона и Ретифа де ла Бретонна; идеи Сведенборга о небесных сообществах, образующих гармонические серии по степеням разумности и любви, о притяжении как движущих силах на небе и в аду, и о равновесии, основанном на сочетании противоположностей; мысли Дюпона о возможной одушевленности небесных тел; представления Ретифа де ла Бретонна о планетах, обладающих возможностью размножаться, подверженных заболеваниям, и кончающих смертью. Можно сказать о близости космогонических идей Фурье к идеям теософов. Однако нет достаточных оснований для положительных утверждений о тех или иных прямых заимствованиях Фурье из сочинений мистиков. Если нет убедительных доказательств прямого их влияния, то есть основания предполагать влияние косвенное. Ведь город Лион, где Фурье проживал в период становления своего мировоззрения, был в то время одним из основных центров мистицизма: здесь было множество франк-масонских лож, оккультных обществ, различных сект, здесь проходил в 1778 году большой масонский конвент, здесь увлекались месмеризмом, здесь действовали Мартинес, Сен-Мартен, Виллероз, и талантливый авантюрист Джузеппе Бальзамо, ставший знаменитым под именем графа Калиостро, здесь вышло несколько изданий о гипнотизме, магнетизме, катаlepsии и сомнабулизме. Всевозможные мистические идеи составляли предмет оживленных дискуссий в среде лионской интеллигенции тех лет, и Фурье, хоть и не читал произведений мистиков, и не был членом ни масонской ложи, ни какой – либо подобной организации, конечно знал из газет, журналов и из живого общения с людьми кое что о мистических концепциях... „Кто создал Фурье? Ни Ланж, ни Бабеф: Лион – вот единственный предшественник Фурье“. Эта фраза Мишле – лучший ответ на этот вопрос». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 28).

V

Общее предубеждение цивилизованных

Ознакомившись с моим изобретением, которому суждено освободить род человеческий от хаоса *Цивилизации*, варварства и дикости, обеспечить ему больше счастья, чем он осмеливается желать, и раскрыть перед ним тайны природы, к которым он и не надеялся когда бы то ни было приобщиться, толпа людей не преминет обвинить меня в шарлатанстве, а мудрецы сдержанно будут называть меня мечтателем¹⁰.

Не останавливаясь на мелких выпадах, к которым должен быть готов любой изобретатель, я постараюсь склонить читателя к беспристрастному суждению¹¹.

Почему самые знаменитые изобретатели, Галилей, Колумб и др., становились объектом преследований или в лучшем случае насмешек, прежде чем их выслушивали? Главных причин тому две: общее злополучие и гордость ученых.

1. Общее злополучие. Когда какое-либо изобретение сулит счастье, люди боятся надеяться на благо, которое представляется им сомнительным; они отвергают перспективу, способную разбудить едва приглушенные желания, обострить в них несбыточными чаяниями чувство неудовлетворенности. Так, бедняк, неожиданно выиграв состояние или получив наследство, на первых порах отказывается этому верить: он оттолкнет принесшего эту радостную весть и обвинит его в глумлении над его нищетой.

Таково первое препятствие, на которое я натолкнусь, возвещая роду человеческому предстоящий ему переход к огромному счастью, надежда на которое в нем угасла за пять тысячелетий социальных бедствий, якобы неизлечимых. Обещай я благосостояние средней руки, меня бы приняли лучше; это побуждает меня значительно умерить картину грядущего счастья. Узнав всю его безмерность, люди удивятся тому, что я медлил с опубликованием моего открытия, обнаружил столько сдержанности и усвоил столь ледяной тон, возвещая событие, которое должно пробудить столько энтузиазма.

2. Гордость ученых – второе препятствие, которое мне придется преодолевать. Любое блестящее изобретение возбуждает зависть в тех, кто мог бы его сделать; люди недолюбливают неизвестного, который единым махом поднимается на вершину славы; они не прощают современнику проникновение в тайны, куда каждый мог бы проникнуть до него; ему не прощают, что он затмил былые достижения науки и намного опередил самых знаменитых ученых. Такой успех воспринимается существующим поколением как оскорбление; оно забывает о благодеяниях, которые несет с собой открытие, и помышляет лишь о позоре, который ляжет на век,

¹⁰ «Пресса встретила „Теорию четырех движений“ (вышедшую анонимно в 1808 г. в Лионе, причем место издания было написано как Лейпциг, а автор был обозначен как Шарль) полным молчанием, в одной только „Gazette de France“ появилась о ней маленькая заметка. Распространения книга не получила, и почти весь ее тираж остался на складе у книготорговца». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 28).

¹¹ «Классические утопии о лучшей и безопасной жизни являют себя – как замечает Фурье – как „греза о благе – без средств к осуществлению одного, без метода“. Несмотря на соотнесенность с критикой своего времени, они пока еще не сообщаются с историей. Положение меняется, лишь когда руссоист Мерсье своим романом о будущем, романом о Париже в 2440 году, проецирует эти острова блаженства из пространственно отдаленных областей в отдаленное будущее – и тем самым воспроизводит эсхатологические чаяния восстановления рая будущего на внутримировой оси исторического прогресса. Однако же, поскольку утопия и история соприкасаются таким образом, меняется классическое обличье утопии, а роман о государстве начинает отрицать собственные романские черты. Кто восприимчивее других к утопическим энергиям духа времени, тот отныне будет наиболее энергично стремиться к слиянию утопического мышления с историческим. Роберт Оуэн и Сен-Симон, Фурье и Прудон резко отвергают утопизм; но Маркс и Энгельс опять-таки критикуют их как „утопических социалистов“. Только Эрнст Блох и Карл Мангейм в нашем столетии очистили термин „утопия“ от оттенка утопизма и реабилитировали его как надежное средство для поиска альтернативных жизненных возможностей, которые следует применять в самом историческом процессе. Утопическая перспектива вписывается в само политически действенное историческое сознание». (Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 89).

прозевавший это открытие; и каждый, прежде чем рассуждать, мстит за свое оскорбленное самолюбие. Вот почему автора блестящего изобретения преследуют раньше, чем изобретение исследуют и составят себе о нем суждение.

Никто не станет завидовать Ньютону; его исчисления столь малодоступны, что рядовой ученый на них не претендует. Но любого Христофора Колумба делают мишенью нападков, его готовы разорвать в клочья, потому что его идея отправиться на поиски нового материка столь проста, что она каждому могла бы прийти в голову. И люди молчаливо договариваются перечить изобретателю, мешать осуществлению его идей.

Я взял этот пример, чтобы ярче выявить всеобщее коварство людей *цивилизованных* в отношении изобретателей.

Невежественный Папа метал в Колумба громы и молнии церковного осуждения; между тем, разве он не больше других был заинтересован в успехе плана Колумба? Несомненно так. Ведь едва была открыта Америка, как его преосвященство стал раздавать приходы в новом мире, считая для себя удобным использовать открытие, самая мысль о котором раньше возбуждала в нем гнев. Эта непоследовательность главы церкви типична для людей вообще: его предрассудки и его самолюбие мешали ему видеть свои собственные интересы. Рассуждая, он понял бы, что Святой престол, имея в ту пору возможность устанавливать временный суверенитет над вновь открытыми землями и подчинять их своей религиозной власти, был всецело заинтересован в поощрении мероприятий, направленных к открытию нового материка. Но Папа и папский совет, в силу болезненного самолюбия, не рассуждали вовсе. Это убожество свойственно всем векам и всем людям. Такие помехи стоят на пути всякого изобретателя, он должен быть готов к преследованиям в меру величия своего открытия, особенно если это человек никому неизвестный и если никакие предварительные изыскания не протянули нити к тем открытиям, ключ от которых случайно оказался у него.

Если бы я имел дело с веком справедливым, который искренно старается проникнуть в тайны природы, было бы приятно ему доказать, что последователи Ньютона лишь на половину истолковали закономерность того движения, которое они исследовали, – движения небесных тел.

Действительно, они ничего не могут вам сказать относительно системы распределения небесных светил. Самый ученый их последователь – Лаплас, не сумеет пролить хотя бы каплю света на разрешение следующих проблем:

Каковы правила размещения небесных светил, ранг и место, предназначенное звездам? Почему Меркурий является первым?

Почему Уран¹² так удален от солнца, почему он меньше Сатурна?

А Юпитер, разве он не должен был бы находиться ближе к очагу света?

Какова причина большей или меньшей эксцентричности орбит?

Каковы принципы сочетания или соединения?

Почему некоторые небесные тела носят характер лун и прикованы к одному стержневому, как спутники Юпитера, Сатурна и Урана?

Почему другие, например, Венера, Марс и пр., движутся по свободной орбите?

Почему Уран, будучи в шестнадцать раз меньше Юпитера, имеет восемь лун, а Юпитер только четыре? Разве не подобает колоссальному Юпитеру иметь большее количество лун? Ведь он в силу своих размеров мог бы управлять количеством лун в шестнадцать раз большим, чем Уран! Это распределение странным образом противоречит теореме, согласно которой сила притяжения прямо пропорциональна массе.

Почему на основании той же теоремы огромный Юпитер не притягивает к себе и не вовлекает в свою орбиту четыре маленьких небесных тела – Юнону, Цереру, Палладу и Весту,

¹² Фурье называет Уран Гершелем, по имени астронома, открывшего его в 1871 г. – *Примеч. ред.*

расположенных столь близко к нему? Но и вовлеки их в свою орбиту, он, все же имел бы лишь восемь лун, подобно Урану, в шестнадцать раз меньшему, чем он; этот груз был бы для него все-таки минимальным.

Почему у Сатурна есть светозарные кольца, а у Юпитера их нет, несмотря на то, что Сатурн получает от своих семи лун больше света, чем Юпитер от своих четырех?

Почему у Земли есть Луна, а у Венеры ее нет?

Почему наша Луна, Феб, в отличие от Венеры и от Земли, не имеет атмосферы?

Каково различие функций между светилами сопряженными, или спутниками, подобно Фебу, планетами, имеющими Луны, как Земля, Юпитер, и одинокими, как Венера, Марс, Меркурий, Веста?

Какие изменения претерпела и будет претерпевать система распределения планет?

Каковы планеты, нам неведомые? Где они расположены? Где их искать? Каковы их размеры, их функции?

Таковыми вопросами можно заполнить двадцать страниц, и наши ученые не сумеют на них ответить; значит, у них нет представления о системе распределения, им неведомы в большей части законы движения небесных светил, и они ошибаются, воображая, что уяснили себе это движение.

А я с момента моих открытий в 1814 году даю надлежащие ответы на все эти вопросы. Спрашивается, не я ли решил задачу, которую последователи Ньютона только поставили, но не разрешили?

Однако полное познание закономерности движения небесных тел охватит лишь одну отрасль мирового движения; остается уяснить себе и другие отрасли, в том числе движение страстей или движение социальное; от уяснения себе этого зависит единая организация рода человеческого, осуществление социальных судеб. Открыть же это можно лишь на основе изучения всех совокупных законов движения, а последователи Ньютона уловили лишь обрывок, не дающий ключа к счастью.

Выдвигая общую теорию движения, следовало бы возглавить ее чьим-либо крупным именем, чтобы обеспечить ее рассмотрение и проверку. Если бы Ньютон или кто-либо из его соперников или последователей, каковы Лейбниц, Лаплас, провозгласили теорию притяжения страстей, счастье бы им улыбнулось; благодаря такой вывеске люди сочли бы вполне естественным распространение на эту область уже открытых законов тяготения материи и усмотрели бы прямое следствие мирового единства в том, что принцип материальной гармонии оказывается применимым к теории страстей или к социальной теории; благодаря престижу, которым пользуется Ньютон или другая знаменитость, вся свора критиков заранее рукоплескала бы изобретателю; ему воспевали бы хвалу научного парии, одного из тех парвеню, которые не являются уделом человека неизвестного, какого-либо провинциала или даже академиками, вся эта шайка предаст несчастного анафеме. Пример тому – Христофор Колумб. За высказанную им мысль о существовании нового материка его целых семь лет высмеивали, травили, отлучали: не навстречу ли подобной невзгоде иду и я, возвещая новый социальный мир?

Идти вразрез с общепринятыми мнениями нельзя безнаказанно; и философия, царящая в XIX веке, поднимет на борьбу со мной больше предрассудков, чем подняло суеверие в борьбе с Колумбом в его время. Однако нашел же он в лице Фердинанда и Изабеллы менее предвзятых и более справедливых монархов, чем лучшие умы того века. Почему бы и мне, подобно Колумбу, не надеяться на поддержку какого-либо монарха, более ясновидящего, чем современники? Я знаю, софисты XIX века, подобно софистам XV века, будут твердить, что никакие новые открытия невозможны; но разве не найдется самодержца, который пошел бы на эксперимент, как пошли кастильские монархи? Они рисковали немногим, снаряжая наудачу корабль для открытия нового мира и грядущего завладения им; точно так же и монарх XIX века может себе сказать: «Рискнем на площади в одну квадратную милю произвести опыт с земледель-

ческой ассоциацией! Риск невелик, между тем как есть шансы извлечь род человеческий из общественного хаоса, взойти на престол мирового единства и передать нашему потомству на веки *вечный мировой скипетр*».

Я указал на предрассудки, которыми будут орудовать против меня людское злосчастье и гордость ученых. Я хотел подготовить читателя к сарказмам толпы, которая всегда рубит с плеча там, где она ничего не знает, и противопоставляет разумным рассуждениям игру слов; этой манией заражен даже мелкий люд: всюду укоренилось зубоскальство. Когда же правильность моего открытия будет доказана и приблизится момент пожать его плоды, когда универсальное единство готово будет водвориться на развалинах варварства и *цивилизации*, тогда критики столь же внезапно перейдут от презрения к упоению; они возведут изобретателя в сан полубога и вновь унизятся до заискивания, предварительно унизившись до опрометчивого глумления.

Что касается людей беспристрастных, которых на свете очень мало, то мне нравится их недоверчивость, и я предлагаю им отложить свое суждение до того, как я их ознакомлю с механизмом прогрессивных серий. Два первых мемуара не затронут еще этого вопроса; их целью будет расчистить пути и освоить человеческий разум с избытком счастья, которое людям уготовано.

VI План

В этих двух мемуарах я буду освещать следующие вопросы:

Что такое судьбы?

Из каких отраслей складывается их общая система?

Какими приметами и средствами располагал человеческий разум для изобретения общей системы судеб?

Эти вопросы я не буду разобщать: мне было бы трудно освещать их отдельно. В этом труде будет много повторений, быть может, требуется еще больше, чтобы приковать внимание читателя к предмету столь новому и столь противоположному философским предрассудкам, которыми все заражены.

Этот проспект я подразделю на три части: *экспозицию, описание и конфирмацию*.

1. В *экспозиции* будут трактоваться некоторые категории общих судеб; тема столь возвышенная и обширная заинтересует немногих читателей, но здесь будет разбросано много довольно занимательных подробностей, которые вознаградят читателя за некоторую сухость. Итак, первая часть предназначается для любознательных, для людей усидчивых, которые не остановятся перед преодолением трудностей ради проникновения в глубокие тайны; они будут приятно удивлены, ознакомившись в этой первой части с целым рядом положений относительно происхождения обществ, их последующего чередования и материальных и социальных революций, предстоящих нашей Земле и другим мирам.

2. *Описания* ознакомят читателя с некоторыми особенностями частных или домашних судеб при комбинированном строе; они дадут некоторое понятие о сулимых им наслаждениях и в этой плоскости предназначаются специально для сибаритов, или любителей наслаждений. Предвкушение прелестей комбинированного строя поможет им понять, до какой степени род человеческий находится в плену у обманывающих его философов; они долго таили от нас пути к счастью, упорно критикуя тяготение страстей, старались эти страсти подавлять, глушить, вместо надлежащего их изучения.

3. *Конфирмация* будет основана на доказательствах ошибочности современных научных знаний, я докажу систематическую оплошность *цивилизованных* и в числе прочего новейшую оплошность, под знаком которой строится их политика: я имею в виду коммерческий дух. Я отмечаю растущий практицизм неточных наук и революций, навстречу которым мы идем, отдаваясь под их покровительство. Эта третья часть предназначена для критиков; они должны признать, что общественный организм ныне больше, чем когда бы то ни было, находится под влиянием мистифицирующих его философов, несмотря на их кажущуюся удрученность; что меркантильные системы – последний ресурс этих софистов – своей абсурдностью превосходят все виданное человечеством и достойно венчают все нелепости цивилизации.

Путем такого распределения материала в проспекте, я надеюсь польстить вкусам читателей различных категорий, так как каждый из них может быть отнесен либо к любознательным, либо к любителям наслаждений, либо к критикам.

И тех и других прошу помнить, что в рамках проспекта я не могу подробно останавливаться на доказательствах и что, возвещая столько чудесных событий, делая столько непонятных умозаключений, я не претендую на то, чтобы мне верили на слово: я пытаюсь лишь возбудить любопытство, чтобы привлечь внимание к последующим работам, где будет дана теория, содержащая множество сведений, подкрепляемых доказательствами. Эти научные данные тем чудеснее, что каждый сможет легко их постигнуть, потому что они вытекают из весьма простых рассуждений относительно земледельческой ассоциации, образуемой прогрессивными сериями. Таков скромный зачаток самого блестящего из открытий. Так величайшая река зачастую

в своих истоках оказывается смиренным ручейком, и лавина, сметающая деревни и села, в месте своего рождения – лишь воздушные хлопья снега.

Если самые точные науки, науки математические, в сфере которых тысячи трактатов соперничали друг с другом в теоретическом совершенстве, если даже эти науки представляют для каждого изучающего их трудности и содержат непонятные места, в которые приходится вчитываться не раз, прибегая к помощи учителя, то вполне понятно, что еще большие трудности представит изучение притяжения страстей: эта наука едва вылипла на свет, она переживает свою зарю, и последующее изложение ее неизбежно будет страдать тремя недостатками:

1. Оно будет носить характер проспекта, расплывчатых набросков, которых даже в случае полнейшей ясности контуров недостаточно для приобщения к знанию читателя, потому что по каждому вопросу я даю лишь введение.

2. Излагать науку будет человек, чуждый литературного мастерства; предварительная критика не указала ему на степень детализации, требуемую для каждой отдельной части трактующего предмета.

3. Элементарные, ограниченные и неполноценные знания, приобретенные автором в период 1799–1807 гг., но значительно расширенные с той поры¹³.

При наличии этих трех помех, как мог я в 1807 г. ввести в курс дела и удовлетворить читателей, которые будут нуждаться в наставлениях и после того, как я опубликую трактат в 1821 г., а умники, плагиаторы и прочие присоединят к нему свои прозаические замечания. Что касается данного проспекта, то спустя десять лет после его первоначального опубликования я полагаю, что ввиду успехов, сделанных за это время наукой, к нему нужно присоединить комментарий более обширный, чем само сочинение.

Итак, терпение до 1821 г.

¹³ «Как показывают исследования Ю. Буржена, Фурье по видимому не читал в подлинниках многочисленных писателей, им упоминаемых, даже тех, на которых часто ссылался, которых нередко цитировал, о которых высказывал суждения. Благодаря острому уму он умел из случайного и отрывочного чтения книг, журналов, газет, а также из устного общения впитывать самое существенное, составляя свое впечатление о философах, экономистах, политиках, моралистах, педагогах своего времени». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 28).

Часть первая

Экспозиция некоторых ветвей всеобщих судеб

АРГУМЕНТ

Предвидя, что этой первой части поставят в упрек сухость, я предупреждал, что эта часть предназначается для людей, склонных к исследованию, а отнюдь не для людей поверхностных. Услыхав одним ухом о наслаждениях, сулимых комбинированным строем, люди ожидали найти здесь картину этих наслаждений, увидеть прогрессивные серии в действии и познакомиться при чтении с соблазнительными подробностями домашней жизни, тонкими меню пиршеств, разнообразием любовных утех, празднеств, спектаклей, приключений, путешествий и т. д., и все это с той упоительной утонченностью, которая характеризует новый строй во всех его проявлениях, вплоть до самых ничтожных работ.

Сгорая от нетерпения при описании этих утех, совершенно неведомых цивилизации, кое-кто из читателей будет усиленно жаждать полной картины строя; но правильная постановка дела требует, чтобы прежде чем вдаваться в мельчайшие детали, я ознакомил читателя с общими судьбами планеты.

Итак, я собираюсь пролить свет на период жизни нашей планеты, обнимающий восемьдесят тысячелетий растительной жизни на ней. Я остановлюсь на различных актах творения, идущих вслед за теми, результаты коих мы видим, причем ближайший последующий акт творения наступит четырехста лет спустя. *Я ознакомлю с физическими изменениями, которым должен подвергнуться наш земной шар на протяжении этих восьмидесяти тысячелетий своего существования; в течение семидесяти тысячелетий северный полюс будет полностью культивирован благодаря светозарному кольцу или Северному венцу (couronne boreale), который народится после двух веков существования комбинированного строя.*

Как я уже сказал, вначале чтение моего труда будет сопряжено для читателя с трудностями; но излагать без какого либо метода, в угоду любопытным, значило бы дать слишком много козырей в руки критике; и хотя это лишь проспект, а не самая теория, однако необходимо, чтобы в нем были освещены все общие судьбы нашей планеты прежде, чем судьбы отдельного человека.

В ходе изложения и в сопутствующих ему примечаниях читатель будет встречать разного рода таблицы, где номенклатура может показаться ему неправильной, неудачной, так как я плохо владею французским языком¹⁴. Итак, предлагаю обращать внимание преимущественно на мысли, а не на терминологию, в области которой, признаюсь, я слаб. Если мне подскажут более правильную терминологию, я охотно ее усвою.

ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ

Мне придется начать с исключений, чтобы избавить читателя от бесконечного множества возражений, которые в противном случае он не преминул бы выдвинуть.

¹⁴ «Фурье добровольно отказывается быть писателем, т.е. уполномоченным распорядителем „благословения“, литературы, тем, кто одобряет декоративный союз и, стало быть, основополагающее разделение между фоном и формой; утверждая, что он – изобретатель („Я не писатель, а изобретатель“), он доходит до границы смысла, который мы сегодня называем Текстом. Может быть, вслед за Фурье, нам необходимо отныне называться изобретателями (а не писателями и не философами), теми, кто выявляет новые формулы, и тем самым, фрагментами, беспредельно и подробно, инвестирует пространство означающего». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Праксис, 2007. С. 116–117).

При всех рассуждениях о притяжении и социальном движении надо учитывать наличие исключений, охватывающих одну восьмую или одну девятую соответствующих явлений; впредь я всегда буду это подразумевать, без специальных упоминаний на этот счет. Например, выдвигая общее положение: *цивилизированные люди весьма несчастны*, я этим самым хочу сказать, что семь восьмых или восемь девятых общего количества людей переживают бедствия и лишения и только одна восьмая свободна от этой общей участи и наслаждается завидной долей.

Если я добавляю, что счастье, которым наслаждается небольшое количество *цивилизированных*, тем утомительнее для толпы, что баловни судьбы зачастую наименее достойны ее благоденствий, это положение опять-таки имеет исключения, простирающиеся на одну восьмую или одну девятую явлений, и лишь в одном случае из восьми судьба благоприятствует достойным. Но этот проблеск справедливости лишь ярче оттеняет систематическую несправедливость судьбы при *Цивилизации*.

Резюмирую: наличие исключений, захватывающих одну восьмую или одну девятую явлений, лишний раз подтверждает правильность всех моих положений. Итак, я считаю излишним упоминать об исключениях в каждом отдельном случае, и читатель не должен аргументировать исключениями, так как они только подтверждают мои положения. Я неоднократно буду это повторять, чтобы читатель не забыл.

Исключение захватывает не обязательно одну восьмую или одну девятую явлений; цифра может меняться, но чаще всего это именно так, и этого я буду придерживаться в моих расчетах.

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ О СУДЬБАХ

(*Пять первых глав следует перечитывать, по меньшей мере, дважды, а лучше трижды для правильного понимания последующих глав, которые не представят никаких трудностей для тех, кто хорошо разберется в пяти первых.*)

I

Определение и разграничение

Судьбы – это результат действия в настоящем, прошедшем и будущем – математических законов Бога для мирового движения. Мировое движение подразделяется на четыре главные ветви: социальное, животное, органическое и материальное.

1. *Движение социальное.* Теория этого движения должна объяснить законы, согласно которым Бог установил распорядок и последовательность различных социальных механизмов на всех обитаемых планетах.

2. *Движение животное.* Эта теория должна объяснять законы, согласно которым Бог распределяет страсти и инстинкты меж существами минувшего и грядущего творения на различных планетах.

3. *Движение органическое.* Эта теория должна объяснять законы, согласно которым Бог наделяет свойством, формой, цветом, вкусом и т. д., все субстанции, созданные или имеющие быть созданными на различных планетах.

4. *Движение материальное.* Теория этого движения, уже объясненная современными геометрами, знакомит нас с законами, согласно которым Бог установил тяготение материи для различных планет¹⁵.

Нет такого движения, которое не было бы включено в одно из этих четырех подразделений; их совокупность образует все мировое движение. Нам известна лишь четвертая его ветвь, движение материальное; но и оно объяснено лишь частично, потому что ученые геометры, провозглашая законы, устанавливающие распорядок среди тел небесных, не ведают того, каким изменениям могли подвергаться звездные круговороты сотни тысяч лет назад и каким изменениям они могут подвергнуться сотни тысяч лет спустя. И, наконец, они не умеют распознать минувшие и грядущие революции мира. Эти мои исследования, доступные для всех, являются частью теории материального движения, из чего явствует, что эта теория не носила раньше законченного характера.

¹⁵ Фурье внес впоследствии следующие исправления в это подразделение: Стержневое движение – Социальное, или движение страстей. Главные движения (Cardinaux): Аромальное, Инстинктивное, Органическое, Материальное. Аромальное движение – движение аромов, или система распределения ведомых и неведомых человеку аромов, дающих направление действиям человека и животных, образующих зачатки ветров и эпидемий. – *Примеч. ред.*

II

Иерархия четырех движений

Этому вопросу следовало бы посвятить целую главу, но она была бы мало доступна для огромного количества читателей, и я ограничусь по этому вопросу примечанием¹⁶.

¹⁶ Все четыре движения подвержены двоякого рода зависимости: Первая. Законы всех четырех движений координированы с математическими законами: без этой зависимости в природе не было бы гармонии, и Бог был бы несправедлив. На самом деле: природа состоит из трех принципов извечных и незблемых: 1) Бог, или дух, принцип активный и движущий; 2) материя, принцип пассивный и движимый; 3) справедливость, или математический закон, принцип регулирующий движение. Для установления гармонии между этими тремя принципами необходимо, чтобы Бог, приводя в движение и модифицируя материю, действовал в согласии с математическими законами; без этого и в наших глазах и в своих собственных его действия были бы произвольны ввиду их несогласованности со справедливостью независимой от него. Но если Бог подчиняется математическим правилам, изменить которые он не может, в этом согласии с ними он обретает свою славу и свою выгоду: Славу, поскольку он может доказать людям, что управляет миром по справедливости, а не по произволу; что приводит в движение материю согласно законам, не подверженным изменению, свою выгоду, поскольку согласование с математическими законами дает ему возможность получить во всем движении максимум результатов при затрате минимума энергии. Мы уже знаем, что оба вида движения, и материальное и органическое, согласованы с геометрией, что все тела как одушевленные, так и неодушевленные, построены, движимы и модифицируются согласно ее законам. Итак, две ветви движения из четырех соответствуют справедливости естественной и независимой от Бога. Остается убедиться в том, что два других вида движения, животное и социальное, представляющие игру страстей, следуют тому же правилу и что страсти, каковы бы они ни были, даже самые отвратительные, и у человека и у животного приводят к следствиям на основании геометрических принципов, соблюдаемых Богом. Так, например: свойства дружбы – слепок со свойств окружности; свойства любви – слепок со свойств эллипса; свойства отцовства – слепок со свойств параболы; свойства честолюбия – слепок со свойств гиперболы; А коллективные свойства этих четырех страстей – слепок со свойств циклоида. Таким образом, каждая геометрическая теорема послужила типом для какой-нибудь страсти людей или животных, и эта страсть неизменно сохраняет связь с теоремой, сообразно которой она создана. В примечании А мы уже видели, что страстные групповые серии имеют прототипом законы и свойства геометрических рядов. Вторая зависимость. Движение социальное типично для трех остальных; движения животное, органическое и материальное координированы по социальному, первому по рангу (*le premier en ordre*); иными словами, свойства животного, растения, минерала и даже круговорота небесных тел воспроизводят какие-либо проявления человеческих страстей в общественном строе, и все в совокупности – от атома до небесного светила воспроизводят картину свойств страстей человеческих, например: Звездные группы млечного пути воспроизводят свойства честолюбия; Группы планет вокруг солнца воспроизводят свойства любви. Группы спутников планет воспроизводят свойства отцовства. Группы солнц, или звезд неподвижных, воспроизводят свойства дружбы. Наши страсти, столь уничиженные философами, играют после Бога первую роль в мировом движении, после него это есть нечто самое благородное, так как ему было угодно, чтобы весь мир был построен по образцу следствий, порождаемых страстями в социальном движении. Отсюда явствует, что если какая-либо планета познает законы социального движения, она открывает одновременно и законы других движений, потому что они во все моменты являются иероглифами первого. И если бы мы еще не знали законов материального движения, познанных современными геометрами, в наши дни эти законы были бы открыты по аналогии, с законами социального движения, в которые я проник и которые служат ключом к пониманию всей системы трех других движений. Досадно для рода человеческого, что ученые начали свое исследование с того, чем они должны были кончить, – с законов материального движения, которые труднее всего поддаются определению (*les plus difficiles a determiner*) и отнюдь не помогают познанию законов трех других категорий. Это примечание не удовлетворит читателя; оно служит лишь канвой. Распространяться подробнее здесь не место. – *Шарль Фурье*.

III

Движение социальное

Мы уже видели, что теория социального движения должна определять порядок и последовательность различных социальных механизмов, которые могут сложиться на всех планетах и охватывать прошлое, настоящее и будущее.

Для любителей посмеяться – повод для иронии.

«Итак, – скажут они, – вы ознакомите нас с тем, что происходит в других мирах – на Солнце, на Луне, на Юпитере, на Сириусе, на звездах Млечного пути и на всех небесных телах».

Разумеется, и вы узнаете, что происходило там раньше, и что будет происходить в последующие века, потому, *что читать в Книге Судеб нельзя частично; нельзя определить судьбы одного мира, не овладев методом, приоткрывающим завесу над судьбами всех миров.*

Это ознакомление с судьбами других миров для вас отнюдь не безразлично, как это вам может показаться; законы социального движения говорят, что ваши души обойдут эти миры на протяжении вечности и что вечное блаженство, надежду на которое питает в вас религия, будет зависеть от благосостояния других миров, где души ваши еще раз соединятся с материей, после восьмидесяти тысячелетнего пребывания на земном шаре, населенном нами.

Итак, вы ознакомитесь с социальными механизмами, господствующими на различных небесных телах, со счастливыми или несчастными революциями, которым подвергаются их обитатели. Вы узнаете, что уже пять-шесть тысячелетий, как наша маленькая планета находится в состоянии самом злополучном из тех, в которых может очутиться какой-либо мир. Но исследование, которое откроет вам глаза на счастье, коим наслаждаются в других мирах, даст вам в то же время возможность водворить у нас на земле благосостояние, весьма сходное с благосостоянием более счастливых миров.

Перехожу к картине социальных революций, через которые суждено пройти нашей планете.

IV

Фазы и периоды социального строя на третьей планете, именуемой Землей

Я вам поведаю истину величайшего значения: дело в том, что века счастья будут продолжаться в семь раз дольше веков несчастья, в коих мы живем уже несколько тысячелетий.

Читателю может показаться, что это безразлично для нас, чья жизнь протекала во времена несчастные; но теория социального движения вам покажет, что души ваши в грядущие века тем или иным способом приобщатся к участи живущих; на протяжении семидесяти тысячелетий вы будете разделять счастье, уготованное нашему земному шару; и под этим углом зрения вы должны интересоваться картиной грядущих революций, через которые пройдет социальное движение на вашей планете.

Существование рода человеческого должно охватить восемьдесят тысячелетий. Дата приблизительная. Эта цифра, как и все цифры, относящиеся к социальному движению, исчисляется с приближением на одну восьмую.

Социальное развитие, охватывающее около восьмидесяти тысячелетий, подразделяется на четыре фазы и на тридцать два периода. Даю таблицу; ее необходимо изучить, чтобы уяснить себе развитие в целом и держать это в памяти.

ФАЗЫ

Имеется: Две фазы колебания восходящего, или градации. Две фазы колебания нисходящего, или деградации.

КОЛЕБАНИЕ ВОСХОДЯЩЕЕ

Первая фаза. Детство, или состояние восходящей разобщенности – $1/16 = 5000$ лет.

Вторая фаза. Рост, или восходящее сочетание – $7/16 = 35000$ лет.

КОЛЕБАНИЕ НИСХОДЯЩЕЕ

Третья фаза. Нисхождение, или сочетание нисходящее— $7/16 = 35000$ лет.

Четвертая фаза. Дряхлость, или нисходящая разобщенность— $1/16 = 5000$ лет.

Итого 80 тысячелетий.

Две фазы разобщенности или социального разлада охватывают времена несчастья.

Две фазы сочетания или социального единства охватывают века счастья, продолжительность которых в семь раз превзойдет продолжительность веков бедствия.

Из этой таблицы видно, что на карте жизни рода человеческого, точно так же как и индивидуума, века страданий находятся на двух противоположных концах.

Мы находимся в первой фазе – *восходящей разобщенности*, которая предшествует наступлению провиденциальных судеб; мы чрезвычайно несчастны уже 5–6 тысяч лет, история которых уцелела в летописях. С момента сотворения человека прошло всего 7 тысяч лет, и с этого времени жизнь человечества – сплошная цепь мучений.

Понять безмерность наших страданий можно, только уяснив себе огромное счастье, которое нам уготовано и к которому мы безотлагательно перейдем благодаря открытию законов движения. Мы вступим во вторую фазу – восходящего сочетания.

Две фазы разобщенности, хотя и весьма краткие, содержат по семь социальных периодов каждая, итого четырнадцать периодов разобщенности.

Две фазы сочетания, хотя и весьма длительные, содержат лишь по девяти социальным периодам каждая, итого... восемнадцать периодов сочетания.

Итого 32 периода, или возможных обществ, не считая промежуточных.

Ниже я даю таблицу этих 32 периодов; запечатлеть ее в памяти трудно; но разве приобретаются какие-либо знания без предварительного изучения? и почему исследование судеб, в отличие от любого другого исследования, не должно иметь своих терний?!

Необходимо проштудировать эту таблицу, чтобы не было надобности обращаться к ней каждый раз, когда речь будет идти о различных фазах и периодах.

Те, кто не захочет потратить четверть часа на изучение таблицы, на сопоставление 4 фаз и 32 социальных метаморфоз эпох 18 актов творения и Северного Венца, пусть закроют книгу и прекратят чтение, которое ежесекундно будет ставить их в тупик; но все будет ясно и понятно для тех, кто предварительно займется изучением этой таблицы социального движения.

При знакомстве с таблицей на первых порах поражаешься узкому кругозору философов, уверяющих нас, что *Цивилизация* есть конечная ступень социальных судеб, тогда как на самом деле это лишь пятое из 32 возможных обществ и один из 10 самых несчастных периодов, к числу которых принадлежат:

2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й в фазе детства;

31-й, 30-й, 29-й, 28-й, 27-й в фазе дряхлости.

Я именую их периодами злосчастия, так как счастье присуще лишь тем периодам, механизм которых складывается из групповых серий, а не из разобщенных семейств.

Периоды 1-й и 32-й, 7-й и 26-й имеют строй серийный, но гибридного типа; 7-й и 26-й содержат зачатки групповых серий, которые организовались бы в этом виде, если бы род человеческий совершил оплошность при исследовании ассоциации и не пошел бы дальше зачатков. Эти гибридные серии уже весьма счастливы; некоторое представление об этом будет во второй части, где пойдет речь о прогрессивном хозяйстве.

Род человеческий поднимется на ступень 8-го социального периода (простые комбинированные серии); этот период установится на всем земном шаре и продолжится по меньшей мере 400 лет, прежде чем появится возможность перехода к 9-му периоду. Этот последний сложится лишь с помощью *новых актов творения и Северного Венца*, речь о котором ниже.

На протяжении первой фазы социальное движение являет образ человека, который, видя ров, отступает для разбега и прыжка; читатель найдет это в моей таблице, где фигурируют термины: «попятное движение», «разбег» и «прыжок». Катиться от 1-го периода, счастливого, к 4-му, самому несчастному, значит пятиться назад. Но здесь человек приобретает новую силу – крупное аграрное и мануфактурное производство, которое ширится и растет в периоды разбега 5-й, 6-й, 7-й и, наконец, дает роду человеческому средства, чтобы перейти от хаоса к гармонии.

32 общества не должны быть приравнены к 16-ти, хотя и возрождаются в обратном порядке в двух последних фазах; но при своем возрождении они подвергаются значительным изменениям; так, например, *Цивилизация*, возрожденная на закате мира, будет также безмятежна, как неистова она в наши дни, когда роду человеческому свойственен горячий пыл юности. Поздняя *Цивилизация* будет смягчена воспоминанием об утраченном счастье и мучительным сознанием невозможности восстановления прогрессивных серий; их механизм будет нарушен, расстроен и раздроблен 18-м и последним актом творения, столь же злосчастливым, как и наблюдаемый ныне.

Первая фаза, или детство, – единственная фаза, продолжительность которой не установлена точно, а развитие не строго регулярно; этой фазе следовало бы продолжаться всего пять тысячелетий; но Бог, наделив нас свободой воли, не может помешать вступлению некото-

рых планет на ложный путь по вине неточных наук и предрассудков внушаемых ими наперекор природе и законам тяготения. Эти миры, покрывшись корой философии, могут долго упорствовать в своем ослеплении и считать себя искусными в деле общественного строительства, тогда как на самом деле они умеют порождать лишь революции, нищету, мошенничество и хищничество. Пока они упорствуют в своей гордости, пока разум не восстает против лжеученых, неудивительно, что разлад укореняется. Что может быть ужаснее хаоса, который царит у нас на земном шаре! Половина его заполонена хищными зверями или дикарями, что одно и то же; что касается другой половины, возделываемой, то три четверти ее захвачены головорезами или варварами, которые поработают земледельцев и женщин и действуют во всем наперекор разуму. Итак, лишь одна восьмая часть земного шара остается на долю плутов, или *цивилизованных*, которые восхваляют свое совершенство, колоссально умножая нищету и разврат. На какой другой планете можно найти беспорядок более отвратительный? Поскольку нации приемлют эту философию, породившую такой политический хаос, можно ли удивляться тому, что род человеческий в своем социальном развитии отстал на несколько тысячелетий; что он целые семь тысяч лет пребывает в детстве, которому следовало бы продолжаться лишь каких-нибудь пять тысячелетий, и что он добрался лишь до пятого из семи периодов социального детства, не достигнув даже шестого, где он обрел бы уже тень благосостояния.

Социальное движение будет регулярно развиваться на протяжении наступающих эпох – гармонии восходящей и нисходящей, которые охватят около 70 тысячелетий. На протяжении этого длительного периода счастья 16 социальных метаморфоз, или периодических изменений, будут обусловлены новыми, преемственно чередующимися актами творения, которые, внося новое во все три царства¹⁷, обусловят соответствующие изменения социальных отношений. Но эти изменения будут лишь разнообразить наслаждения и ни в коем случае не вызовут пагубных революций, не считая перехода от периода 24-го к периоду 25-му, который обусловит быстрый закат и возвестит дряхлость земного шара.

Впрочем, шестилетнему ребенку незачем беспокоиться по поводу недугов, которые ждут его на рубеже 80-го года его жизни; так и нам подобает думать лишь о счастье, которое близко и которого наш земной шар никогда не жаждал так горячо, как сейчас.

¹⁷ «Система природы» (лат. *Systema naturae sive regna tria naturae systematice proposita per classes, ordines, genera, & species* „Система природы, или три царства природы, систематически расположенные по классам, отрядам, родам и видам“) – одно из наиболее известных произведений шведского врача и натуралиста Карла Линнея (1707–1778). Эта книга является основополагающим сочинением в традиции научной биологической систематики. – *Примеч. ред.*

Таблица социального движения

последовательность и соотношение его 4 фаз и s2 периодов
порядок творений (Понять эту таблицу можно лишь по
изучении последующих глав, содержащих ее объяснение)

ВОСХОДЯЩЕЕ КОЛЕБАНИЕ	Первая фаза	ДЕТСТВО ИЛИ ВОСХОДЯЩАЯ РАЗОВЩЕННОСТЬ Предшествует вредный акт творения (моря не инфигированы)				ГОДЫ	ВОСХОДЯЩИЙ ХАОС Царство невежества и философии. Столкновение страстей благодаря отсутствию социального искусства
	7 периодов	Первое инфигирование морей кожным флагом (смерть хуны и всемирный потоп, этому предшествует уменьшение наклона земной оси)					
	Попытки движения	Первый. Смутные серии. Тень счастья				Примерно	
		Предварительные анимы	Пять периодов несчастья. Организация типа разобщенных хозяйств	Века вероломства, несправедливости, насилия, бедности, революций и физической слабости	1/16 – 5000		
					Второй. Дикость		
					Третий. Патриархат		
	Четвертый. Варварство						
	Разбег	Пятый. Цивилизация					
		Шестой. Гарантизм					
		Седьмой. Контурные серии. Тень счастья					
Скачок от хаоса к гармонии							
ВТОРАЯ ФАЗА	НАРАСТАНИЕ ИЛИ ВОСХОДЯЩАЯ КОМБИНАЦИЯ					ВОСХОДЯЩАЯ ГАРМОНИЯ Общественная сознательность, сила земного шара и творения. Развитие и гармоническое сцепление всех страстей.	
9 периодов	Восьмой. Простые комбинаторные серии. Заря счастья		Это тот социальный строй, к которому земной шар перейдет благодаря основанию одного квантона с прогрессивными сериями				
Конвертирование грустного мантия у северного полюса (палаточная палатина) НАРОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО ВЕНЦА Демонстрация морей благодаря северному флагом; появление ароматических рос на Земле благодаря ветру (этому предшествует увеличение наклона земной оси)					7/19 – 35000		
9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16-й	Сложные восходящие серии	Эти 7 периодов характеризуются 7 актами гармонического творения, с промежутками между ними примерно 4000 лет.					
ПЕРВОЕ ТВОРЕНИЕ СЕМИ РОДОВ. КУЛЬМИНАЦИЯ ВОСХОДЯЩАЯ							

НИСХОДЯЩЕЕ КОЛЕБАНИЕ	АПОГЕЙ СЧАСТЬЯ. СТЕРЖНЕВОЙ ПЕРИОД, ИЛИ АМФИГАРМОНИЧЕСКИЙ Примерно в 8000 лет. (временно устойчивой положение земной оси)					
	ТРЕТЬЯ ФАЗА	ЗАКАТ ИЛИ НИСХОДЯЩАЯ КОМБИНАЦИЯ (Последующее уменьшение земной оси)				
	9 периодов	ВТОРОЕ ТВОРЕНИЕ 7 РОДОВ И КУЛЬМИНАЦИЯ НИСХОДЯЩАЯ				
	17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24-й	Сложные нисходящие серии	Эти 7 периодов характеризуются 7 актами гармонического творения с промежутками между ними примерно в 4000 лет. Моря становятся пресными за отсутствием северного флага; конец ароматических рос благодаря истощению венца.			НИСХОДЯЩАЯ ГАРМОНИЯ Эти 16 обществ – от 9-го до 24-го – будут обусловлены стоковыми же актами творения, из которых каждый даст новые феномены во всех трех царствах и соответственно видо- изменит общественные отношения, не являя никаких изменений в механизме прогрес- сивных серий.
	УГАСАНИЕ СЕВЕРНОГО ВЕНЦА Конвертирование намагниченного железа у южного полюса					
	25-й	Простые комбиниро- ванные серии. Конец счастья	Это 25-е общество, как и 8-е, представляет собой промежуточ- ный строй между гармонией и социальным хаосом.			
	Прыжок от гармонии к хаосу					
	ЧЕТВЕРТАЯ ФАЗА	ДРЯХЛОСТЬ, ИЛИ НИСХОДЯЩАЯ РАЗОВЩЕННОСТЬ. ПОСЛЕДНИЙ ВРЕДНЫЙ АКТ ТВОРЕНИЯ, ПАГУБНЫЙ, КАК И ПЕРВЫЙ				
	7 периодов	Второе инфигирование морей кожным флагом (Последующее увеличение наклона земной оси)				
		26-й Контурные серии. Следы счастья				
	Отступление	27-й Гарантизм	Последние анимы	5 периодов несчастья, организованных по принципу разобщен- ных хозяйств	Века веролом- ства, неспра- ведливости, насилия, бедности, революций и физической слабости	ВОСХОДЯЩИЙ ХАОС Всеобщее потрясение в результате 18-го твора- ния. Столкновение страстей благодаря от- сутствию роскоши.
		28-й Цивилизация				
		29-й Варварство				
		30-й Патриархат				
	Апогизм	31-й Дикость				
		32-й Смутные серии. Тень счастья				
	КОНЕЦ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО ЦАРСТВА ПОСЛЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРИМЕРНО 80000 ЛЕТ (Духовная смерть земного шара; конец вращения оси; отрождение полюсов на экватор; фиксация на солнце; естественная смерть; падение и распад во мгновение пути)					

V

Несколько замечаний¹⁸ о предшествующем пагубном акте творения применительно к первой фазе и восьмому периоду, который открывает вторую фазу

Акт творения, результаты коего мы видим, есть первый из 18-ти¹⁹, которым предстоит последовательно совершаться в процессе социального развития рода человеческого.

Я имею здесь в виду лишь сотворение субстанций трех царств, а не сотворение самого земного шара.

Земной шар употребил около 450 лет для развертывания феноменов трех царств на старом материке. Сотворение того, что существует в Америке, происходило позднее и по иному плану; эти акты Творения вызывали огромные потрясения и на том и на другом материке (акты Творения при Гармонии не будут вызывать таких пертурбаций).

Творить, это наслаждение для Бога²⁰, и Он заинтересован в том, чтобы этот процесс продлить. Если период зачатия, формирования и созревания человека занимает 9 месяцев, то сообразно этому и Бог должен был употребить определенный промежуток времени для сотворения трех царств: теория определяет длительность этого периода творения в одну сто девяносто вторую часть (1/192) всего периода социального развития, что составит около 450 лет.

Всякий акт творения происходит путем слияния северного флюида – мужского, с южным флюидом – женским²¹. Планета – существо, имеющее две души и два пола. В ее акте зачатия, как у животного и у растения, происходит соединение двух производительных субстанций. Метод этот одинаков во всей природе за небольшими изменениями, потому что планеты, как и растения, объединяют в одном индивидууме два различных пола.

Думать, что земля не даст уже новых творений и ограничится существующими, значит думать, что женщина, имеющая одного ребенка, не сможет родить второго, третьего, десятого. Земля и в дальнейшем будет творить; но 16 гармонических актов творения совершатся тем легче, чем утомительнее и тягостнее два губительных акта – 1-й и 18-й.

На каждой планете первый и последний акт Творения совершаются в плане, противоположном актам творения промежуточным, и обуславливают появление вредной продукции при очень незначительном количестве полезной. Нечто прямо противоположное имеет место при всех актах творения промежуточных или гармонических; здесь совершается приток великолепной и полезной продукции при очень незначительном количестве – одной восьмой – бесполезной и полном отсутствии вредной.

¹⁸ В 1807 г. я знал лишь в несовершенстве теорию сотворения мира. Два акта творения будут иметь место в начале гармонии и чрезвычайно обогатят все царство. – *Шарль Фурье*

¹⁹ Двадцати шести. – *Шарль Фурье*

²⁰ «В произведениях Фурье Бог представляется антропоморфным, наделенным человеческими страстями, подобно богам античного мира, причем эта антропоморфность распространяется на всю природу. Но в то же время у него встречается идея триединого Бога, напоминающего христианскую Троицу, но только внешне: триединство Фурье ничего общего с церковным не имеет. Бог Фурье – это выражение идеи единства мироздания, высшее выражение единства в нем причинности и целесообразности... Бог, или дух, в „теологии“ (а вернее натурфилософии) Фурье – это одно из трех извечных, неразрушимых и неотменимых начал природы, начало активное и движущее, вторым ее несотворенным началом, пассивным и движимым, является материя, ибо Бог Фурье не творит ex nihilo, третье начало – справедливость, или математика, начало нейтральное, регулятор движения, выражающее закономерное отношение между первыми двумя началами». (Зильберфарб И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М.: Наука, 1964. С. 70).

²¹ Светило может совокупляться: 1) с самим собой – полюс северный и полюс южный, подобно растениям; 2) с другим небесным телом путем истечений флюидов с противоположных полюсов; 3) с чем-то промежуточным: тубероза есть продукт слияния трех атомов: южного арома – Земли, северного – Урана и южного – Солнца. – *Шарль Фурье*

Первый акт Творения, продукты которого мы видим, породил огромное количество вредных животных на суше и еще большее количество в морях.

Видя тигра и льва, эти живые воплощения Молоха и Вельзевула, тот, кто верит в дьявола, невольно будет думать, что этот акт творения возглавлял сам ад. В самом деле! Разве ад в своем неистовстве мог изобрести нечто худшее, чем ядовитая змея, клоп, сонмы насекомых и пресмыкающихся, морские чудовища, рыбы, чума, бешенство, проказа, венерические болезни, подагра и столько других убийственных ядов, выдуманных специально, чтобы мучить человека и заранее превратить земной шар в ад.

В одном из примечаний (в главе об иерархии четырех движений) я обосновал эту злосчастную систему, регулировавшую первый акт творения, указав, что три движения: животное, органическое и материальное – должны отображать игру человеческих страстей в социальном строе. Первое творение должно было отображать семь периодов детства человечества, применительно к которому оно совершалось, и Бог в этом акте творения должен был отобразить в образе чудовищ страшные следствия наших страстей на протяжении этих семи периодов; на протяжении же первого и седьмого периода должны были процветать некоторые добродетели, и, следовательно, Бог должен был отобразить их в виде продукции полезной и грациозной, очень редкой во всех трех царствах, вышедших из этого творения, подлинно демонического. Ниже мы увидим, какого рода продукцию дадут грядущие акты творения суше и морям; что касается наших дней, то мы не умеем использовать даже ту небольшую долю блага, которую дало нам первое творение; для примера укажу на четырех четвероногих – вигонь, северного оленя, зебру и бобра. Мы лишены двух первых благодаря нашей неловкости, лукавству и плутовству; это они мешают нам разводить стада оленей и вигоней на высоких горах, где эти животные могли бы акклиматизироваться. *Другие социальные пороки лишают нас бобра, шерсть которого не уступает по ценности вигоневой шерсти, и зебры, не уступающей лошади по скорости, силе и красоте. В наших конюшнях и в наших общественных навыках царят грубость и взаимное непонимание, при которых невозможны мероприятия, необходимые для приручения этих животных.* В 8-м периоде, и даже еще 7-м, зебры и квагга²² станут домашними животными, подобно лошади и ослу, бобры будут сооружать свои постройки и создавать свои республики в недрах самых населенных кантонов; стада вигоней будут попадаться в горах так же часто, как теперь стада баранов; а сколько других животных – страусов, барсуков, тушканчиков и иных, будут ластиться к человеку, привлекаемые приманками, немыслимыми при *Цивилизации*. Это Творение, само по себе бедное и злосчастное, вдвойне бедно для нас, в силу социального разлада лишаящих себя большей части даже тех благ, которые имеются в трех царствах.

Новые акты Творения не могут начаться до того, как род человеческий организует 8-й социальный период; до того времени, в бытность семи первых обществ, второй акт Творения не наступит.

Между тем земля буйно жаждет Творения; свидетельством тому частое появление *северного сияния, показателя течи планеты, бесполезного истечения ее плодоносного флюида; он не может совокупиться с флюидом других планет, пока род человеческий не проделает предварительной работы; эти работы может выполнить лишь восьмое общество, которому предстоит организоваться.* Предварительно надо будет довести состав рода человеческого до

²² Квагга (лат. Equus quagga quagga) – истребленное непарнокопытное животное, ранее считавшееся отдельным видом зебр; по данным современных исследований – подвид бурчелловой зебры Equus quagga quagga. Квагги жили в Южной Африке. Спереди они имели полосатую расцветку, как у зебры, сзади – гнедой окрас лошади, длина тела 180 см. Буры добывали квагг ради их прочных шкур. Квагга едва ли не единственное из вымерших животных, представители которого были приручены человеком и использовались для охраны стад: квагги намного раньше домашних овец, коров, кур замечали приближение хищников и предупреждали владельцев громким криком „куаха“, от которого и получили свое название. Последняя дикая квагга была убита в 1878 году. Последняя квагга в мире умерла в зоопарке Амстердама в 1883 году. – *Примеч. ред.*

2 млрд.,²³ для чего понадобится, по меньшей мере целый век, потому что женщины в комбинированном строе будут менее плодовиты, чем в *Цивилизации*, где семейная жизнь побуждает их рожать легионы детей; одну треть их уносит нищета, другую треть – многочисленные детские болезни, порождаемые хаотическим строем. Лучше производить на свет меньше детей, но произведенных беречь. Для *цивилизованных* это невозможно, и вот они не могут возделывать весь земной шар; и несмотря на чудовищное размножение, людей хватит лишь для возделывания той земельной площади, на которой они живут.

Когда два миллиарда людей станут возделывать земной шар вплоть до 65-го градуса²⁴, тогда народится *Северный Венец*, о котором речь ниже; он даст тепло и свет ледяным полярным областям. Производительная деятельность человека на этой новой территории даст возможность довести состав рода человеческого до 3 млрд. Тогда возделаны будут оба материка и не будет уже помех гармоническому творению, первое из коих начнется приблизительно четыре столетия спустя по установлении комбинированного строя²⁵.

²³ По оценкам фонда ООН в области народонаселения, население планеты превысило следующую численность: 1 миллиард – 1820 год, 2 миллиарда – 1927 год. – *Примеч. ред.*

²⁴ 65-я параллель северной широты – воображаемая линия, проходящая по поверхности северного полушария Земли. Расстояние до экватора – 7208 км., до Северного полюса – 2789 км. Световой день во время летнего солнцестояния на этой параллели составляет ок. 21 часа и 30 минут, во время зимнего – ок. 3 часов и 30 минут. Начиная от Гринвичского меридиана на восток 65-я параллель северной широты проходит через Скандинавию, Россию, США, Канаду. – *Примеч. ред.*

²⁵ Теперь я уже убедился, что Северный Венец народится через 4 года после основания гармонии; Южная Корона народится позднее, примерно, 432 года спустя после основания гармонии. В 1808 г. я не упомянул ни единым словом о рождении этой южной короны, в появлении которой я не был уверен. Космогоническая теория была еще очень мало развита, и я предпочел обойти этот вопрос молчанием, чтобы не говорить того, что еще гадательно. – *Шарль Фурье*

VI

Северный Венец (*Couronne boreale*)²⁶

(Эта глава скорее любопытна, чем необходима; ее можно опустить, и перейти к последующим, где я касаюсь периодов 2-го, 3-го, 4-го и 5-го, как к главам более доступным для читателя.)

Когда род человеческий возделает земной шар за 60-м градусом северной широты, температура планеты значительно смягчится и урегулируется. Флюид приобретет большую активность; северное сияние, появляясь очень часто, фиксируется у полюса в форме широкого кольца, или венца. Флюид, ныне только светозарный, приобретет новое свойство – излучать вместе со светом тепло.

Размеры венца будут таковы, что в том или ином месте он всегда будет соприкасаться с солнцем, лучи которого необходимы, чтобы воспламенять окружность кольца. Одна дуга венца всегда должна быть обращена к солнцу, даже при максимальных наклонах земной оси.

Влияние *Северного Венца* будет сильно чувствоваться на целой трети полушария; он будет виден в Петербурге, Охотске и на всем протяжении 60-го градуса широты.

От 60-го градуса до полюса тепло будет возрастать, так что полярная точка будет иметь примерно температуру Андалузии и Сицилии.

В эту эпоху весь земной шар будет возделываться, благодаря чему температура его смягчится на 5-10 и даже 12 градусов в широтах еще не возделанных, как Сибирь и Северная Канада.

Климат районов, близких к 60-му градусу, смягчится в силу двоякого рода причин: в результате повсеместного возделывания земли и под влиянием *Венца*, благодаря которому с полюса будут дуть лишь умеренные ветры, подобные тем, которые дуют из варварских стран в сторону Генуи и Марселя. Совокупное действие этих причин установит на 60-м градусе температуру, которой наслаждаются ныне вполне возделанные районы, расположенные у 45-го градуса, каковы Бордо, Лион, Турин, Венеция. Стокгольм, Петербург, Тобольск и Якутск, очутившиеся в самом холодном поясе, будут иметь температуру Гаскони или Ломбардии, не считая изменений, обусловленных соседством гор и морей. Морское побережье Сибири, необитаемое ныне, будет иметь мягкую температуру Прованса и Неаполя.

Более важное усовершенствование, которым мы будем обязаны *Северному Венцу*, будет заключаться в ограждении нас от всех атмосферических эксцессов: от избытка холода и тепла, избытка влажности и сухости, буйных ураганов и штиля. Влияние *Венца* вместе с влиянием

²⁶ «Фурье уверен, что, познакомившись с описанием Северного венца, читатели не преминут обвинить его в шарлатанстве, а мудрецы сдержанно назовут мечтателем. Что ж, он не ошибся. Его действительно называли и мечтателем и шарлатаном не только при жизни, но и столетие спустя. Причем из всего написанного им самые яростные и самые ядовитые нападки всегда вызывала именно глава „Северный венец“ [...] Эти фантазии, конечно, вызывали возмущение современников, но известный французский кооператор и биограф Фурье Шарль Жид скажет, что „тот, кто при чтении произведений Фурье в досаде на эксцентричности... бросит книгу в корзину, как негодный хлам, окажется более безумным, чем сам Фурье. Он окажется столь же смешон, как и тот вор, про которого любопытную историю рассказывает древний автор. Пробравшись в дом к афинянину, чтобы похитить его драгоценности и дорогие статуи, вор был весьма огорчен, найдя только одну грубо отделанную фигуру из обожженной глины, которой он не придал никакого значения и презрительно отбросил в сторону. Глупец, он не знал, что древние обыкновенно скрывали изображения своих богов из золота, серебра или слоновой кости под аляповатой глиняной оболочкой, представлявшей какого-нибудь фавна или лесного бога. Если бы он догадался разбить безобразную форму, то нашел бы изображение божества ослепительной красоты. То же самое ждет того, кто при чтении произведений Фурье очистит их от грубой накипи: он придет в восторг при виде драгоценных блестящих истин, которые за ней скрываются“. Биографы и последователи Фурье, цитируя его предвосхищения, неоднократно указывали, что многие его положения сбылись, что в его нелепостях время обнаружило достаточную долю научности. Ведь тот же Чарлз Дарвин, говоря об эволюции развития всего живого на Земле, свидетельствует о долгом пути изменения и животных и человека. Почему же не согласиться с Фурье, что эти изменения произойдут через 12 тысяч лет, или 120 поколений?» (Василькова Ю. Фурье. М.: Молодая гвардия, 1978. С. 91–93).

повсеместной культуры водворит на земном шаре умеренную температуру, какой не найти в настоящее время нигде. Климатические районы, самые ледяные на земном шаре, по линии Петербург – Охотск, в эту эпоху будут наслаждаться температурой более приятной, чем нынешняя температура Флоренции, Ниццы, Монпелье, Лиссабона с их самым ясным и безмятежным небом. В этих странах, я полагаю, прекрасное умеренное время года длится не более четырех месяцев; а по рождении *Северного Венца* 60-й градус, т. е. линия Петербург – Охотск, будет обладать прекрасной погодой, по меньшей мере, на протяжении восьми календарных месяцев в году с гарантированным двукратным урожаем. Чтобы убедиться в этом, загляните в примечание²⁷ где я указываю причину продолжительных зим и других климатических неурядиц, которым подвержен наш земной шар в первой фазе социального движения.

²⁷ Помимо естественной причины, вызывающей зимы, т. е. наклона земной оси, имеется еще три причины случайного характера, совокупное действие которых делает зиму в четыре раза более суровой, чем она должна быть. Эти причины не будут существовать при комбинированном строе; они таковы: невозделанное состояние земного шара, и особенно земель, соседних с полюсом; ледяная кора возле полюса: она вдвое усиливает влияние морозов в период отсутствия солнца; ледяные эманации, исходящие от полюсов и противодействующие влиянию солнца, когда оно возвращается после зимней ночи. При рождении венца эти три причины холодов будут нейтрализованы. Я уже указал, что на широтах Петербурга двукратная жатва более несомненна, чем ныне в Тоскане, и что 60-й градус будет наслаждаться прекрасным временем года более прочно, чем наслаждается им сейчас какое бы то ни было место на земном шаре; я это сейчас поясню. С того момента, как области северного полюса будут освещены, согреты венцом и возделаны, ничто уже не сможет противодействовать влиянию солнца с приближением весны, эпохи, когда в наши дни рождается вторая зима под влиянием ледяных ветров, дующих с полюса по всему полушарию; вот почему зимы во Франции тянутся до мая месяца и захватывают прекраснейшую половину весны – дни средней величины. После рождения венца, дующие с полюса северные ветры будут умеряться даже зимой и смягчат климат 6-го градуса, в направлении которого они будут дуть; тогда уже не будет иных холодных ветров, кроме тех, которые зарождаются у 60-го градуса, и этот градус будет получать даже зимой тепло двумя путями: с севера и с юга. Листва будет разворачиваться в Петербурге уже с марта месяца и того раньше на 70-м градусе, а в Париже и на острове Шпицбергене она будет в полной мере разворачиваться уже в феврале. Так обстояло бы дело в природе, не будь помехи со стороны ветров и полярных эманаций, останавливающих произрастание при возврате солнца и порождающих вторую зиму – зиму искусственную после естественной. Это бедствие никогда не бывало столь разительным, как в 1807 г. В этот год зима, казалось, кончилась во Франции 15 февраля; солнце было уже жгучим, и люди думали, что наступает весна, когда внезапно ветры северный и северо-западный начали новую зиму, которая длилась 2,5 месяца и давала себя чувствовать вплоть до первых чисел мая. Эта нелепица, обычная для Франции, делает ее климат невыносимым. Во Франции нельзя насладиться прекрасным временем года, потому что температура всегда впадает в одну из крайностей, и переходы резки, за исключением перехода от осени к зиме; терпимыми во Франции можно считать лишь 3 месяца – май, сентябрь и октябрь. Прекрасное время года требует разнообразия температуры; небольшой морозец в ясный день нам кажется столь же приятным в январе, как и весенний день, лишь бы этот мороз не был длительным, лишь бы он крепчал постепенно и в надлежащее время и не сопровождался бы инеем, туманом и ледяными ветрами. Такими и будут зимы при новом строе. Тогда виноград будет созревать у 60-го градуса, апельсиновые деревья произрастать у 53-го и до 70-го градуса. Вокруг Варшавы будут апельсиновые рощи, подобные тем, которые имеются сейчас у Лиссабона, а виноградники в Петербурге будут более гарантированы от непогоды, чем теперь в Майнце, потому что метаморфоза полярных ветров, превращение их в зефиры, оградит от неожиданностей, которые в наши дни являются на всем земном шаре одной из главных причин обнищания. Ледяное влияние полюса делает наши зимы гораздо более суровыми в январе месяце – их естественную эпоху; эти зимы возобновляются в исходе января, когда им должен наступать конец. Этих двух обстоятельств уже достаточно, чтобы сделать пребывание на нашем полушарии подлинно ужасным вплоть до 40-го градуса в Европе, до 30-го – в Азии и в Америке, где холода гораздо более суровы; потому что Филадельфия и Пекин, расположенные на линии Неаполя и Лиссабона, имеют зимы более неприятные и резкие, чем Франкфурт и Дрезден, города, расположенные 11–12° выше. Читатель может сделать вывод, что, поскольку холода сильно уменьшатся в северном умеренном поясе, значит, жары станут невыносимыми с приближением к экватору; ничего подобного не произойдет. Другие причины будут способствовать смягчению жары на экваторе, так что лето в Сенегале будет менее утомительным, чем теперь во Франции. Приятная, умеренная температура займет место ураганов и бурь, несущихся с экватора к умеренным поясам, и климаты переродятся как в центре, так и в конечном пункте земного шара. Я не стану здесь вдаваться в причины, которые повлияют на исправление экваториальной температуры; эти причины не имеют отношения к рождению Северного Венца. В результате, когда эти различные причины смягчат атмосферу земного шара, наихудший из климатов, климат Охотска и Якутска, будет таков, что население будет наслаждаться там 8–9 месяцами прекрасного времени года, с небом, свободным от туманов и ураганов, отныне неведомых внутри материков и весьма редких в соседстве с морями. Разумеется, эти улучшения будут модифицированы наличием высоких гор и соседством морей, особенно в трех крайних пунктах материка, соседних с южным полюсом, который не будет иметь венца и останется навсегда погруженным в холод. Это не помешает, однако, землям, соседним с этим полюсом, приобщиться к влиянию венца, который, в числе прочих благодетелей, изменит вкус морей, разложит и осадит битуминозные частицы путем экспансии с севера лимонной кислоты. Этот флюид в сочетании с солью сообщит морской воде вкус лимонада, именуемого нами «aigre de cedre». Тогда эту воду легко можно будет очистить от соленых и кислых частиц и сделать пресной. Это избавит людей от необходимости снабжать плавающие суда бочками с водой. Такое разложение морской воды с помощью северного флюида является одной из необходимых предпосылок новых актов творения на море;

В ожидании доказательств в пользу этого грядущего события, приглядимся к различным приметам, его возвещающим. Первым долгом я укажу на контраст между формой соседних с полюсом земель: на севере и на юге. Все три материка южного полушария заострены к Полюсу, чтобы иметь как можно меньше общения с полярными широтами. В корне противоположна форма северных материков: они расширяются с приближением к Полюсу и группируются вокруг него, чтобы воспринять лучи *венца*, которому суждено засиять там в один прекрасный день; они устремляют в этом направлении свои большие реки, точно хотят наладить сообщение по Ледовитому океану. Если бы Бог не предполагал дать Северному полюсу оплодотворяющее кольцо, расположение материков, окружающих этот полюс, было бы проявлением глупости, и Бог был бы в своем творении тем смешнее, что Он действовал чрезвычайно разумно на противоположном конце, где расположены южные материки; им сообщил Он очертания, в полной мере соответствующие тому обстоятельству, что Южный полюс никогда не будет иметь оплодотворяющего венца²⁸.

Можно посетовать лишь на то, что Бог слишком далеко расположил Магелланову точку, что для данного момента служит помехой. Но намерение Его было таково, чтобы этот путь был заброшен и чтобы у Суэца и Панамы были устроены два канала, судоходных для крупных кораблей. Эти работы и множество других, мысль о которых ужасает *цивилизованных*, покажутся детской игрушкой для промышленных армий сферической иерархии.

Другой предвестник *Северного Венца* – неблагоприятное положение земной оси. Если представить себе, что *Венцу* никогда не суждено народиться, в таком случае земная ось для блага обоих материков должна быть запрокинута на 1/24, или на 71/2 градусов к меридиану Сандвич-Константинополь, дабы эта столица очутилась у 33-го градуса северной широты; в результате этого на долготе 225 градусов у Северного пролива две северные точки Азии и Америки соответственно углубятся во льды Северного полюса. Это было бы равносильно принесению в жертву самой бесполезной части земного шара для освоения всех других пунктов. Оценить это можно на основании некоторых данных относительно районов полярных и умеренных.

Что касается полярных районов, то заметим себе, что северный пролив совершенно бесполезен и дальнейшее углубление его во льды лишено значения, так как он и без того негоден

они дадут множество обслуживающих человека амфибий для кораблей и рыбной ловли взамен страшных легионов морских чудовищ, которые будут уничтожены изливанием северного флюида и тем разложением, которое произойдет в морях. Смерть очистит океан от этих мерзких тварей, от этого прообраза наших неистовых страстей, находящих свое отображение в ожесточенных войнах этих чудовищ. Их внезапно застигнет смерть, подобно тому, как гнусные нравы цивилизованных, варваров и дикарей сразу исчезнут, уступив место добродетелям, которые восторжествуют, будут в почете при комбинированном строе и станут путем к богатству и наслаждениям. N.B. Каспийское море и другие соленые внутренние моря, например, большое Аральское озеро, озера Заре, Эльтон, Мексиканское и даже Черное море, почти изолированное от других морей, очень слабо и очень медленно приобщаются к влиянию северного флюида; до них не доберутся глубинные волны, расходящиеся от полюса по океанам и по средиземным морям. Эти бассейны получают лишь более тонкие ароматы, которые, исходя от самого Венца, распространяются в атмосфере. Благодаря этому рыбы, находящиеся в этих битуминозных резервуарах, не будут уничтожены северным флюидом, этой эманацией Венца; его небольшое количество, его медленное и незаметное проникновение даст им возможность привыкнуть к нему на протяжении двух-трех поколений, и они станут более крепкими и сильными, чем теперь в битуминозных волнах, подобно тому, как плод становится и красивее и сочнее, будучи привит на дичок. Итак, с рождением Северного Венца род человеческий должен будет произвести над хозяевами морей операцию, произведенную когда-то Ноем над обитателями земли, коих он взял в Ковчег по паре, подобрав тех, кого он хотел сохранить. Таким образом, во внутренние соленые бассейны, Каспийский и другие, будет занесено достаточное количество рыб, раковин, растений и иной продукции морей, которую человек пожелает сохранить и вновь водворить в океан после его регенерации. Люди выждут, пока океан будет очищен, и благодаря волнам северного флюида, бурно устремляющимся с полюса, все битумины осадятся на дно столь решительно, что застигнутые врасплох рыбы задохнутся при столь внезапном переходе. Останутся лишь полезные виды рыб – мерлан, сельдь, макрель, камбала, тунец, затем черепаха и, наконец, все виды, не нападающие на пловца; их человек постарается сохранить и водворить в моря после их очищения, гарантировав их от внезапного затопления северным флюидом, к которому они медленно и постепенно привыкнут во внутренних бассейнах. Эти виды, отнюдь не вредоносные, смогут ужиться с рыбами нового акта творения, из коих семь восьмых будут слугами человека, точно так же как и животные суши, продукт грядущих актов творения, указанных в таблице. – Шарль Фурье

²⁸ Этот полюс тоже будет иметь корону, но позднее северного. – Шарль Фурье

для навигации. Но приближение его к полюсу соответственно понизило бы наиболее интересный район полярной зоны; я имею в виду Архангельский залив, или Белое море, которое стало бы весьма судоходным, так как Северный мыс Лапландии очутился бы лишь у 64-го градуса, на уровне Якобштадта, последнего города Финляндии. Морские сношения простирались бы без труда до Устья Оби и Енисея, температура которых повысилась бы на 6 градусов благодаря такому выпрямлению оси плюс еще на 6 градусов под влиянием ставшего возможным возделывания Восточной Сибири. Тогда установился бы водный путь между крайними районами Великого материка; продукция Китая, транспортируемая от изгибов *Хуанхэ* к Байкальскому озеру, грузилась бы там с незначительными расходами для отправки в Европу по течению Ангары и Енисея.

В нашей умеренной зоне столь существенные выходы к морю, как Зунд и Ла-Манш, точно так же усовершенствовались бы, приблизившись к экватору на 5–6 градусов. Залив св. Лаврентия и Корейский залив не подверглись бы существенному перемещению. Балтийское море выиграло бы целые 7 градусов, а Петербург очутился бы на нынешнем уровне Берлина.

Я не упоминаю об экваториальном поясе, так как перемещение на 7 и 1/2 градусов для этих широт лишено значения.

У 45-го градуса южной широты южная точка Америки несколько приблизилась бы к экватору, что для нее выгодно. Крайняя точка Австралии выиграла бы еще больше в том же направлении. Что касается крайней точки Африки, то она понизилась бы от 35 к 42 градусу южной широты, и, тем не менее, осталась бы судоходной для мореплавателей, которые, во всяком случае, рано или поздно, покинут ее для Суэцкого канала.

Попробуйте наметить на планисфере широты в соответствии с этой гипотезой о перемещении оси, и вы убедитесь, что это перемещение было бы выгодно для всего земного шара за исключением некоторых кантонов, уже и сейчас не стоящих внимания, какова Камчатка. Итак, Бог дал бы оси земного шара указанное мною направление, если бы нам суждено было не иметь *Северного Венца*, с помощью которого наша ось, направление которой сейчас представляется смешным, очутится в положении наиболее соответствующем всеобщему благу: верный признак необходимости *венца* и его грядущего рождения.

Эти соображения относительно несообразности оси не были высказаны, потому что философский дух отвлекает нас от какой бы то ни было разумной критики в отношении Божьего творения и толкает нас на путь противоположных крайностей, заставляя либо усомниться в Провидении, либо слепо и глупо преклоняться перед ним, как это делают некоторые ученые, приходящие в восторг даже от паука, жабы и сорных трав, которые на самом деле являются лишь позором для Творца Вселенной, пока мы не знаем мотивов этого злодеяния. То же можно сказать об оси земного шара, неправильное положение которой должно бы подорвать в наших глазах престиж Бога, если не догадаться о предстоящем рождении *Венца*, который будет оправданием этой мнимой нелепости Создателя. Но наши философские крайности, наша мания атеизма или чрезмерного преклонения отвлекают нас от беспристрастного суждения о творениях Божьих, и мы не сумели, ни уяснить себе требуемые исправления, ни предугадать материальные и политические революции, с помощью которых он свои исправления внесет.

Я вдался в эти подробности, чтобы доказать, что материальное расположение материков и суши отнюдь не носит случайного характера; я приведу еще и другое доказательство уже в этом томе говоря об архипелагах, обладающих торговой монополией. Случай скоро утратит ту огромную силу, которую приписывает ему философия в ущерб провидению; люди поймут, что границы случайности чрезвычайно узки. Что касается формы материков, о которой идет здесь речь, то это отнюдь не есть результат случайности; Бог так хорошо учел требуемые соответствия, что заранее наметил определенное место для столицы мирового единства. Всякий из нас дивится единственному в мире чудесному расположению *Константинополя* – под углом зрения пользы и удовольствия. Каждый угадывает в этом намерение Бога и говорит себе: «Именно

здесь должна быть столица мира». Здесь она непременно и будет, а через ее антипод будет проходить первый меридиан мирового единства.

Добавлю по поводу *Северного Венца*, что предсказание касательно этого метеора не покажется экстравагантным, учитывая наличие колец вокруг Сатурна. Почему бы не даровать нам Богу то, что он даровал другим планетам? Разве наличие полярного кольца более непонятно, чем наличие экваториальных поясов, окружающих Сатурн?

Наблюдение этих двух светозарных колец должно рассеять наши предубеждения относительно Солнца, которое – как это ни смешно, считали огненным шаром. Гершель²⁹ дал правильное определение: «Огромный и великолепный мир, купающийся в океане света». Это стало несомненным, с тех пор как мы увидели два кольца вокруг Сатурна. Если Бог может сообщить небесному телу круговые оболочки, он может сообщить и сферические, и полярные кольца, и даже полярные сегменты; нам остается, лишь познать теоретическую закономерность, регулирующую это расположение и позволяющую нашему земному шару воспользоваться преимуществом, которым до сих пор пользовался только Сатурн. Это может стать уделом и других планет; есть звездные системы, где каждая планета имеет какое-либо светозарное украшение для согревания одного или обоих полюсов; если наша планета до сих пор этого лишена, это значит, что она принадлежит к числу планет самых бедных на небесном своде, и я докажу, что наши 32 планеты (не считая Солнца и Луны) – лишь жалкий остаток системы, маленькая плохо организованная когорта, подобная остаткам батальона, разгромленного в бою. У других систем бывает 400500 планет, расположенных в групповые серии; у спутников есть свои спутники и у всех свои пояса, венцы, полярные сегменты и иные украшения. Если это преимущество уготовано нашему земному шару, то это атрибут, присущий его рангу – *главного баса мажорной клавиатуры* (*basse cardinale du clavier majeur*).

Различные происшествия могут нарушить предопределенную последовательность 32 социальных периодов; такое действие имело бы появление в нашей системе новой планеты, что весьма вероятно благодаря огромному расстоянию между Солнцем и большими планетами. Эти малочисленные светила, описывая чрезвычайно разобщенные орбиты, образуют линию, мало сжатую; ее может прорвать какая-либо комета. Это может случиться различным способом. В примечании я указываю один из них³⁰.

²⁹ Фредерик Уильям (Фридрих Вильгельм) Гершель (1738–1822) – английский астроном немецкого происхождения. Брат Каролины Гершель, отец Джона Гершеля. Прославился открытием планеты Уран, а также двух её спутников – Титании и Оберона. Он также является первооткрывателем двух спутников Сатурна и инфракрасного излучения. Менее известен двадцатью четырьмя симфониями, автором которых он является. – *Примеч. ред.*

³⁰ Предположим, что какая-нибудь крупная комета по размерам равная Юпитеру, находится в периоде оплодотворения, на ступени превращения в планету; она постарается занять место в ряду и закрепиться в какой-либо звездной системе. Если бы она приблизилась к Солнцу параллельно плану планетных орбит, она могла на обратном пути уместиться между Солнцем и Юпитером; вместо дальнейшего движения по параболе она описала бы спираль, зондируя почву и ища точки равновесия между Юпитером и Солнцем. Шествуя по спирали, она поочередно приближалась бы ко всем маленьким изолированным планетам и увлекала их за собой в качестве лун. Земля и Венера, наиболее крупные, все же слишком слабы для оказания сопротивления большому миру, оказывающему притяжение и приближающемуся к ним; а комета стала бы оказывать притяжение с того момента, как она закрепилась бы в нашей Солнечной системе. Отныне наша маленькая Земля была бы увлечена планетой и стала луной этого самозванца, который вскоре стал бы богатейшей и самой плодородной планетой всей системы, в силу своей близости к Солнцу и множеству своих лун. Этот чужестранец привлек бы к себе Венеру, Марса, Землю и все маленькие планеты, расположенные между Солнцем и Юпитером; у него получилась бы блестящая свита в составе семи или восьми спутников, и, подобно Сатурну, появилось бы двойное экваториальное кольцо или двойной венец у обоих полюсов, так как этого рода двойное украшение присуще всем планетам, имеющим семь лун, с того момента, как их обитатели устанавливают комбинированный строй. (У Сатурна не всегда были его два кольца, и он утратит их в конце своего поприща, когда его социальный механизм вернется к строю разобщенности.) Это весьма вероятное появление в нашей системе кометы (В ту пору я не знал, что комета не может включиться в систему, пока солнце, несовершенное в части кардинальных аромов, не восстановит интегральность, необходимую для фиксации комет.) вызвало бы на нашем земном шаре чрезвычайно отрадную революцию; оно безотлагательно привело бы к новому, весьма плодотворному акту творения, который ускорил бы зарождение прогрессивных серий, крушение цивилизации и варварства. Превращение нашего земного шара в лунный мир не причинило бы никакого вреда роду человеческому; изменение в порядке чередования дней и времен года могло бы уничтожить некоторые виды животных и растений, но не самые полезные, каковы лошадь, баран и пр.: эти остались бы, умножив богатства,

Соприкасание орбит Цереры, Паллады и Юноны, говорит о том, что эти орбиты могут значительно сблизиться, не вызвав агломерации; чтобы ее предотвратить, достаточно иметь между Юпитером и Сатурном, Сатурном и Ураном расстояние в 30 млн. миль. Нынешнее огромное расстояние между ними в 130 и 260 млн. миль обусловлено редкостью планет, которые благодаря своей малочисленности вынуждены занимать пространство не только равное, но и значительно превышающее пространство, занимаемое полноценной системой в составе 400–500 планет. Концентрация нашей системы произойдет тогда, когда наша Земля гармонизируется и обзаведется *лунной клавиатурой*.

внезапно даруемые новым актом творения. Новая планета стала бы для нас заменителем солнца и рсточала бы лучезарный свет; помимо того у нас был бы случайный свет ее спутников, которые, вращаясь по соседним орбитам, могли одновременно быть для нас шестью лунами в момент концентрирования в полукруге нашей орбиты. Отсюда можно умозаключить, что эти большие кометы, так пугающие род человеческий, окрыляют нас надеждой и отнюдь не должны внушать ужаса, так как их водворение в нашей солнечной системе стало бы залогом нашего счастья. Эта революция – наименьшая из тех революций, которые можно предвидеть. Может случиться, что вместо одной кометы у нас появится 300400, закрепившихся возле нашего Солнца ко благу его и нашему. Это тем более вероятно, что наша система, повторяю, есть лишь астрономический осколок, который надо восполнить. Звездные системы содержат в среднем 400 планет вокруг одного солнца; наша же система содержит лишь каких-нибудь три десятка планет. Она напоминает те легионы, от которых остается лишь тень, слабый взвод, могущий служить ядром и звеном связи для массы новых новобранцев, которых ему будут посылать. В числе небесных революций, которые могут постигнуть нашу планетную систему, одной из любопытнейших была бы дислокация Млечного пути и направление одной из его колонн в сторону нашей системы. В этом случае у нас было бы на протяжении нескольких десятилетий очаровательное зрелище: перед нами дефилировали бы светозарные легионы в составе гиперлуны или звезд средней лучеиспускаемости, наподобие луны. Их прохождение согревало бы оба полюса всех наших планет, делая эти полюсы годными для возделывания, что ускорило бы новый акт творения, весьма великолепный и неопенимого значения для нас. (Это – заблуждение; их прохождение не вызвало бы новых актов творения. Эти акты творения порождаются внутренними соотношениями в системе.) – Шарль Фурье

VII

Первый период восходящего расстройства (смутные серии) Воспоминание о них в преданиях о земном рае

Бог создал 16 человеческих рас: 9 на старом материке и 7 в Америке. Подробное описание их признаков имеет мало значения³¹.

Три расы – с прямыми чертами лица, выпуклыми и приплюснутыми – были размещены в умеренном северном поясе между 30-м и 35-м градусами (я имею в виду только старый материк). Именно на этих широтах могло сложиться первобытное общество – смутные серии. Этот общественный строй мог продержаться только около трех веков; я предупредил читателя, что сведения о нем я приурочу к описанию восьмого периода, когда складываются серии более интересного рода, чем те первобытные серии, о которых идет здесь речь.

Эти первые люди вышли счастливыми из рук Божьих, так как они имели возможность создать серийное общество; а все общества этого рода более или менее счастливы, ибо они открывают простор для развития страстей.

Большинство диких зверей и пресмыкающихся были сотворены ближе к экватору; другие, например волки, – на широтах, расположенных выше; пока они не добрались до 30-35-го градуса, эти животные не надоедали поселенным там человеческим расам (это были расы с прямыми чертами лица, выпуклыми и приплюснутыми). Они встречали в изобилии прекрасные растения, а также животных, совершенно нам неведомых; таков, например, мамонт, скелет которого мы теперь находим: будучи лишен орудия самозащиты, он должен был погибнуть вместе с первобытным обществом, которому он оказывал величайшие услуги.

Эти три расы в момент своего появления не имели никакой социальной организации. Сложиться в серии побуждал их не только инстинкт; к этому побуждали их еще пять³² обстоятельств, уже утративших свою силу для нас:

³¹ Среди 16 первобытных рас следует различать первым делом четыре расы разнородных: 1. Северных карликов, каковы лапландцы и самоеды. 2. Южных гигантов, как то патагонцы и др. 3. Белых от рождения, каковы беда на Цейлоне и дарьянцы в Америке. 4. Черных от рождения, каковы обитатели Гвинеи с приплюснутым лицом. Белые и черные существовали с первого момента творения, хотя род человеческий и обладает способностью сам производить таковых. Среди этих четырех разнородных рас белолыбые – единственная раса, общая обоим материкам. Эти четыре расы весьма отличны от большого количества других; двенадцать остальных примерно приближаются к общему типу; их можно назвать расами однородными. Правильное определение их прирожденных особенностей относится к исследованию органического движения, которого я не буду касаться здесь; я хочу лишь поставить в упрек робость, проявленную в этом вопросе. Мы и по сей день видим, что ученые спорят по вопросу о том, как могла заселиться Америка; точно Бог не имел права сотворить человека в Америке, как он сотворил его в Европе. На основании различий между эскимосами с большой бородой и другими туземцами безбородыми умозаключают, что эскимосы пришли сюда со старого материка, в соседстве с которым они живут. Это заблуждение; эскимосы – туземного происхождения, как и многие другие, и различия между народами лишены случайности. Двенадцать однородных рас распределены двумя партиями: семь из них уделены старому матерiku и пять Америке; если среди последних одни безбородые, а соседние с ними бородатые, в этом нет ничего удивительного; 16 рас должны были являть некоторые особенности; теория движения эти особенности укажет, их можно ясно наблюдать по всей земле. Несмотря на нашествия, несмотря на похищение женщин и рабов и смешение, отсюда истекающее, черты лица сохранились, и ничто не смогло стереть первоначальный тип. Самая мода не оказывает почти никакого влияния на эти изменения, и наши лица и сейчас еще сходны с лицами наций предков, портреты которых дошли до нас через три тысячелетия. Не следует приписывать случайности или революциям эти расовые особенности; в них, как и во всем разнообразии творения, надо усматривать следствие теории распределения, понять которую нам еще не удалось. Эту теорию мы найдем в законах органического движения. Прошу прощения у сочинителей басен, выводящих род человеческий из единого ствола; надо идти вразрез с очевидностью, чтобы полагать, что выпуклое лицо у сенегалца и приплюснутое у китайца; что калмыки, европейцы, патагонцы и лапландцы – отпрыски единого древа. Бог унавивляет во всех видах продукции различные оттенки по сериям восходящей и нисходящей. Почему бы, создавая род человеческий, Он отступил от порядка, которому следует во всех своих творениях, от небесных тел до насекомых? – Шарль Фурье

³² В одном из экземпляров Фурье упоминает еще три обстоятельства: 6) отсутствие национального соперничества, 7) незнание семьи, 8) любовное единение (unite amourese). – Примеч. ред.

1. *Отсутствие предрассудков* и, следовательно, свобода любовных отношений, недопустимая в обществах хаотического порядка, где люди организуются в семьи, или в разобщенные хозяйства.

2. *Малая плотность населения*. Отсюда изобилие стад, плодов, рыб, дичи и т. д. Бог поселил группы первых людей на большом расстоянии друг от друга; прошло много времени, прежде чем они размножились до такой степени, что стали отличать свою землю от чужой.

3. *Отсутствие типичных признаков богатства*. Люди не обладали ремесленным искусством и не имели драгоценных вещей определенной ценности, каковы оружие и украшения дикарей; в противоположность этому припасы и подверженные порче богатства находились в большом изобилии, а трудность сохранения запасов побуждала к дележу, что благоприятствовало сношениям серий.

4. *Отсутствие диких зверей*. Отдаленность их способствовала величайшей мягкости нравов, ограждала от злодейских намерений и воинственного духа, заставляла беречь животных, ныне погибших, например, мамонта.

5. *Красота людей на заре жизни*. Крупная ошибка думать, будто животные и растения в момент их сотворения были таковы, какими мы их видим в диком состоянии. *Зубр и дикий баран – не родоначальники, но продукт вырождения быка и барана*. Стада, созданные Богом, превосходили качеством самых великолепных швейцарских быков, наипрекраснейших баранов Испании; то же можно сказать о цветах и плодах. «Все было благом при выходе из рук Творца вещей», – говорит Жан-Жак Руссо. Эту истину он не считал нужным доказывать; но он ее ослабил, добавив: «Все выродилось в руках человека». В действительности, не по вине человека выродились животные и растения до той степени, на которой мы их находим в диком и приуроченном состоянии: это *разлад*, дезорганизовав серийный строй, деградировал продукцию и даже человека, рост которого в момент появления достигал 74 и 2/3 дюйма, или 6 футов 2 и 2/3 дюйма (парижских), для расы с прямыми чертами лица. В ту пору люди этой расы легко доживали до 128 лет (восемь раз по шестнадцати). Все творения обладали такой же мощностью, и розы в момент сотворения были прекраснее тех роз, что растут у нас на клумбах. Это всеобщее совершенство держалось на протяжении всего первого социального периода, который сложился благодаря совокупному действию пяти обстоятельств, упомянутых мною выше.

Мир царил там не в силу общего благосостояния, но благодаря имманентному свойству серий. Оно состоит в методическом развитии и сочетании страстей, которые вне прогрессивных серий приходят в столкновение и порождают войну и всякого рода раздоры.

Ошибочно было бы думать, что в этом первобытном строе царило равенство, общность. Я уже указывал, что все эти философские химеры несовместимы с прогрессивными сериями, которые требуют, наоборот, градации неравенства. Эта градация могла установиться с первого момента, несмотря на то, что люди не пользовались письменами для установления и распутывания интересов каждого члена общества. Я поясню, каким образом людям удавалось группировать и удовлетворять различные запросы.

Страсти в ту пору были более бурные, чем ныне. Людям отнюдь не была присуща пастушеская невинность, существовавшая лишь в воображении поэтов. Мужчины были горды и чувственны, рабы собственных фантазий; женщины и дети тоже. Эти мнимые пороки служили залогом единения и вновь станут залогом социального единения, как только сформируются серии.

VIII

Дезорганизация серий

Им суждено было прийти в расстройство в силу обстоятельств, прямо противоположных пяти основным причинам, которые я охарактеризовал выше. Вскоре чрезмерное размножение населения породило бедность; одновременно с этим колоссальное размножение диких зверей, распространявшихся с экватора (или с севера), стало порождать злодейские замыслы; жажда грабежа распространялась тем легче, что младенческий возраст и трудности земледелия лишали возможности иметь съестные припасы в изобилии, необходимом для механизма серий. Отсюда – дробление на разобщенные хозяйства, брак, а затем переход к дикости, патриархату и варварству.

В период первобытных серий род человеческий наслаждался долей столь счастливой по сравнению с участью дикарей и людей, живущих в патриархальных условиях, что расстройство серий должно было привести народы в отчаяние. Последним оплотом этого строя были дети. Дети прикрывали политическое отступление и в течение долгого времени пребывали еще в гармонии, когда отцы впали уже в раздоры и были готовы усвоить систему отдельных хозяйств и семейной исключительности, к чему побуждала растущая бедность. По мере ее роста племенные вожди были все более и более заинтересованы в установлении института брака, который в конечном счете и взял верх.

Прежде чем впасть в эту крайность, люди, вероятно пробовали для сохранения первобытного строя прибегать к различным мерам, более или менее тщетным. Когда же окончательно была осознана невозможность восстановить этот превосходный социальный строй, видя, что вечное сожаление об утраченном счастье ввергает народы в апатию, порождая в них отвращение к труду, вожди племен постарались ослабить воспоминание об утраченном благополучии, которое не могло уже возвратиться, так как повесть о нем вносила лишь смятение в социальный строй, пришедший на смену первобытному.

Таким образом, все вожди сообща решили извратить традицию; вытравить ее было невозможно, пока живы очевидцы, но легко удалось обмануть последующие поколения, не выдавшие строя производственных серий. Специально, чтобы возбудить сомнение, стали распространять повествования противоположного характера; отсюда и более или менее нелепые, широко распространенные на Востоке басни о земном Рае, откуда был изгнан человек.

Так появились вымышленные сказки, фальсифицировавшие подлинную традицию, извращение которой было в интересах племенных вождей. Все эти легенды, легшие в основу древних религий, служат остовам великой истины: задолго до теперешних обществ существовал строй более счастливый, память о котором смутно живет у восточных народов, когда-то им наслаждавшихся.

В числе шарлатанств, извративших подлинную традицию, надо различать обычай приобщения к тайнам у древних жрецов Востока. Вряд ли приходится сомневаться, что этой тайной были вначале предания о первобытном строе. Но так как рост бедствий требовал усиленного принятия мер предосторожности для сокрытия от народов этой прискорбной тайны, то открывать ее стали лишь узкому кругу посвященных и создали вымышленные тайны, чтобы отвлечь внимание любопытных подначальных, приобщаемых к священству. В результате систематического сужения круга избранных, подлинные предания стали достоянием столь незначительного количества адептов, что обладатели тайны могли быть уничтожены войной или иной невзгодой; жреческая же масса преспокойно продолжала свои таинственные (но уже беспредметные) посвящения для соблюдения видимости корпорации.

Надо полагать, что жрецы Изиды и Браммы уже были в состоянии такого неведения и не имели никакого понятия о первобытном строе; во всяком случае, сведения о нем были извра-

щены очень скоро в те грубые времена, когда письменность еще не была изобретена и каждый рассказчик непременно добавлял от себя к переданному ему повествованию. Люди Востока – сочинители не хуже обитателей берегов Гаронны, и надо полагать, что 300 лет спустя предание, о котором идет речь, было до такой степени извращено добавочными вымыслами, что разобраться в нем уже не могли и сами посвященные. Уцелел лишь остов истины – *счастье минуло и безвозвратно утрачено*. Отсюда жрецы делали умозаключение о мнимом гневе Божьем, об изгнании из рая; они распространяли эти и другие басни для устрашения толпы и подчинения ее намерениям жреческой касты.

Полагаю, я достаточно ясно охарактеризовал причины нашего полного неведения о нравах и обычаях первобытного общества. Этому неведению наступает конец. Теория социального движения внесет полную ясность в этот вопрос: она подробнейшим образом укажет, каков был механизм этого первобытного общества, на смену которому пришли дикость, патриархат и варварство.

IX

Пять периодов строя разобщенных семейств: 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й

Я охватываю эти пять социальных периодов одной главой. Подробная трактовка каждого из них завела бы меня слишком далеко и заставила бы выйти из рамок данного проспекта.

Пропустим второй период – дикости, для нас малоинтересный, и перейдем к третьему, или патриархату. Это общество нам почти незнакомо: этот строй, а его принимали за первобытный, в первые века не существовал ни у одного народа. Люди всех рас были чужды предрассудков в эпоху своего сотворения и не считали преступлением свободу любовных отношений; их физическая сила и их долголетие внушало им прямо противоположные взгляды: они предавались оргиям, кровосмешению и самым похотливым наклонностям. Мужчины, как общее правило, доживали до 128 лет и, следовательно, имели в своем распоряжении целых 100 лет для полноценного удовлетворения потребности в любви; разве можно было убедить их, как податливых *цивилизованных*, в том, что они должны целые сто лет наслаждаться любовью с одной и той же женщиной и не любить других?

Прошло много времени, прежде чем народились условия, заставившие ограничить свободу любовных отношений: надо было, чтобы раса утратила значительную долю своей первобытной силы для подчинения правилам, столь противным интересам крепких, здоровых людей. Но так как с распадом серий сила и крепость уменьшаются, то общий упадок расчистил путь принудительному регламентированию любви и переходу к дикости, патриархату и т. д.

Патриархальный строй нам известен мало, как и первобытный. Авраам и Иаков в том виде, как нам их рисуют, – люди отнюдь не «добродетельные»; это «тираны», полные злобы и несправедливости, содержащие гаремы и рабов согласно обычаю варваров. Эти *паши* и тираны своего маленького мирка предавались всякого рода распутству. Можно ли придумать что-либо более преступное и несправедливое, чем изгнание Авраамом Агари и ее сына Измаила³³, обрекаемых на голодную смерть в пустыне, только потому, что Авраам достаточно насладился этой женщиной и она ему больше не нужна. И на этом основании он посылает на верную смерть женщину и малое дитя. Таковы патриархальные добродетели во всем их блеске и величии; все поведение патриархов изобилует поступками столь же отвратительными.

И тем не менее философия хочет вернуть нас к патриархальным нравам. Философ Рейналь³⁴ в своей «Истории обеих Индий» начинает с напыщенного восхваления китайцев, изображая их самой совершенной из наций на том основании, что они сохранили патриархальные нравы. Проанализируем их совершенство: Китай, прекрасную культуру которого славят, столь беден, что народ его *горстями ест червей, которыми кишит его одежда*. Китай – единствен-

³³ Агарь – египтянка, рабыня, служанка Сарры во время бездетности последней, ставшая наложницей Авраама и родившая ему сына Измаила. Когда Исаак, сын Авраама от Сарры, стал подрастать, Агарь вместе с Измаилом по настоянию Сарры были изгнаны из дома Авраама (Быт 21:1-21). Агарь ушла на юг, поселилась в Аравийской пустыне, где Измаил впоследствии стал родоначальником арабских племен, прозванных измаильянами (по его имени) и агарянами (по имени его матери). В качестве матери Измаила, традиционно считающегося прародителем арабов, Агарь занимает важное место в арабских преданиях. В арабской литературе сохранилось много легенд об Агари, в живописи сцена изгнания Агари и Измаила из дома Авраама многократно воспроизводилась художниками всех времён. – *Примеч. ред.*

³⁴ Гийом Тома Франсуа Рейналь (1713–1796) – французский историк и социолог, представитель Просвещения. В 1770 г. в Амстердаме вышло в свет самое известное сочинение Рейналя «Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях». В 1781 году «История обеих Индий» была осуждена французским парламентом на сожжение, автор подлежал аресту. Не дожидаясь пленения, Рейналь бежал в Англию, затем в Пруссию. Находясь в изгнании, он объездил много стран. В литературе часто встречаются сведения о посещении Рейналем в этот период и Российской Империи, где он был удостоен аудиенции Екатерины II. Но существует и иное мнение, так, исследователь Мезин С.А утверждает, что данный эпизод биографии Рейналя не достоверен. – *Примеч. ред.*

ная страна, где плутовство узаконено и в почете; любой купец вправе применять в торговле неправильные весы и практиковать иные виды плутовства, наказуемые даже у варваров. Китаец ставит себе в заслугу надувательство; обманув человека, он созывает соседей, чтобы выслушать от них похвалы и вместе с ними посмеяться над обманутым (закон при этом не допускает жалоб). Эта нация невероятно любит судиться; нигде не судятся с таким рвением, как в Китае. Низость там столь велика, а понятие о чести столь чуждо, что палач является одним из приближенных, одним из видных офицеров монарха, который любит, чтобы неугодных ему придворных наказывали плетью у него на глазах. Китайцы – единственный народ, открыто презирающий своих богов: они волочат своих идолов в грязи, когда не получают от них требуемого. Эта нация широко практикует детоубийство; как известно, бедные китайцы кладут своих детей на навозные кучи, где их живыми пожирают свиньи; а не то они привязывают их к пустой тыкве и пускают по течению реки. Китайцы – нация самая завистливая, наиболее угнетающая женщин, которым с детства уродуют ноги, чтобы они не могли ходить. Что касается детей, то отец имеет право проиграть их в кости и продать в рабство. И при наличии таких нравов – я даю лишь беглый набросок их – китаец насмехается над *цивилизрованными* на том основании, что они менее плутоваты. По его словам, европейцы не знают толка в торговле, и только голландцы кое-что в ней смыслят, а настоящий толк знают лишь китайцы³⁵.

Таковы «патриархи», которых восхваляет философия и ставит нам в пример Рейналь. А между тем, он, несомненно лучше всякого другого знал, что Китай кишит всякого рода общественными пороками, но он прославлял их нравы, увязывая их с духом философов, с их софизмами относительно семейного быта и промышленной изоляции, которую они проповедуют. Такова подлинная причина восхваления ими патриархального быта вопреки отвратительным результатам, к которым он приводит; на самом же деле, среди наций земного шара самые коварные и порочные – китайцы и евреи, наиболее верные патриархальным нравам³⁶.

Чтобы устранить эти нелепые свидетельства, философы, рисуя яркими красками Китай, обходят молчанием его развращенность и чудовищную нищету народа. Что касается евреев, то их общественные пороки объясняют теми преследованиями, которые им приходилось претерпевать, тогда как на самом деле преследования облагораживают изгнанников.

В период преследований христиане заслуживали уважения, не имея, ни своего монарха, ни иного связующего начала. Почему же преследование религии оказало столь различное действие на тот и другой народ? Потому что в своей невзгоде христиане усвоили корпоративный дух, который у изгнанников становится зачатком благородных страстей. Евреи же блюли патриархальный дух, который таит в себе зародыши низких страстей и который развратил их еще в дни их могущества.

Это мое отступление диктует исследование патриархального духа, пороков и лицемерия, порождаемых им в сердце человека.

Но в данном небольшом *труде* нельзя все это объять. Итак, возвращаясь к поднятому мной вопросу и ограничиваясь указанием на неосведомленность *цивилизрованных* в вопросе федерального патриархата, этого третьего периода социальной разобщенности.

Федеральный (или сложный) патриархат складывается из семей кочевых свободных и объединяющихся в племенном совете по методу татар. Патриархальные семьи на этой стадии заинтересованы в улучшении участи титулованных супругов, в постепенном расширении их привилегий и гражданских прав вплоть до предоставления им той половинчатой свободы, которой они пользуются у нас. Эта мера в патриархате служит исходным пунктом для выхода из третьего периода и вступления в пятый период – в цивилизацию. Цивилизация не может

³⁵ Выделение, нечего сказать, лестное для голландцев, и характеризует «торговый дух». – Шарль Фурье

³⁶ Отрицательное отношение Фурье к китайцам и евреям вытекало из его острейшей ненависти к торговле, к патриархальной тирании, к язвам и порокам капитализма. Эта неприязнь не помешала ему включить Ротшильда в список «кандидатов» первого опытного фаланстера и предлагать ему «восстановление иудейского царства». – *Примеч. ред.*

народиться ни в недрах дикости, ни в недрах варварства; ни дикари, ни варвары, никогда не усваивают сразу наших общественных навыков, и американцы, несмотря на все их соблазны, несмотря на все интриги, пущенные ими в ход, не втянули в полной мере ни единого племени в круг *Цивилизации*. В соответствии с естественной линией движения *Цивилизация* должна народиться в недрах федерального патриархата или извращенной формы варварства, существовавшей на древнем Востоке и смыкавшейся во многих отношениях с федеральным патриархатом.

Что же касается простой формы патриархата, существовавшей при Аврааме и Иакове, то этот строй ведет лишь к варварству, в этом строе каждый патриарх становится сатрапом, возводит все свои фантазии на степень добродетели и практикует в отношении семьи самую возмутительную тиранию, по примеру Авраама и Иакова, своей порочностью и несправедливостью превзошедших тех, кто восседает на престолах Алжира и Туниса.

Дикость, варварство и *цивилизация* – известны не лучше патриархата. Перейдя к фазам и характеристике каждого периода, я покажу, что наше философское понимание цивилизации столь же ошибочно, как и представление о способах выхода за ее пределы и перехода к шестому периоду.

Этот шестой период – *гарантизм*³⁷ – таков, что мысль о нем могла бы прийти в голову философам, потому что он мало отступает от обычаев, усвоенных *Цивилизацией*, и сохраняет еще семейный быт, брак и главные атрибуты философской системы; но он значительно уменьшает революции и бедность. Впрочем, сколь бы легко ни было выдумать этот шестой период, разве сумели бы философы возвысить род человеческий над *Цивилизацией*, раз они не умеют поднять его даже на ступень цивилизации, т. е. организовать переход дикарей и варваров к *Цивилизации*. Они не сумели даже помочь *Цивилизации* в ходе ее развития: подразделив механизм *Цивилизации* на четыре фазы, я покажу, что переход к третьей фазе произошел случайно и что философы никогда не оказывали никакого влияния на прогресс дорогой им *Цивилизации*. Они замедляли ее развитие вместо того, чтобы ускорять, они подобны неразумной матери, которая, увлекаясь, утомляет ребенка, изощряется в опасных выдумках, способствует зарождению в нем болезни и толкает его к гибели, воображая, что приносит ему пользу. Так действовали и философы, восторгаясь *Цивилизацией*; они всегда ухудшали дело, воображая, что улучшают его; они поддерживали укоренившиеся иллюзии и проповедовали заблуждения, вместо искания путей к истине. Они и сейчас, очертя голову, погружаются в меркантильный дух, с которым следовало бы им бороться, хотя бы из чувства стыда, поскольку они высмеивали торговлю на протяжении двух тысячелетий. Скажу прямо, если бы это зависело только от философов, *Цивилизация* застряла бы на первой фазе и сохранила бы варварские обычаи, каково рабство, восхваляемое учеными Греции и Рима³⁸.

О полном неумении разобраться в механизме *Цивилизации* свидетельствуют неподвижные невзгоды, постигающие каждое наше поколение. Последняя такая невзгода – якобинские клубы, о которых понятия не имели в 1789 г., несмотря на ученые исследования цивилизации. Нам грозят и другие бедствия, последовательного зарождения которых никогда не умеют

³⁷ «Основные черты первого переходного периода – гарантизма он намечал следующим образом. Частная собственность существенно не видоизменяется, но подчиняется коллективным интересам и контролю. Возникают частичные ассоциации, объединяющие группы семей для совместного труда, а также питания, отдыха и т. д. В этих ассоциациях труд постепенно теряет черты капиталистического наемного труда. Экономическое неравенство сохраняется, но при гарантизме «богатые обладают полным и обеспеченным счастьем лишь соразмерно с гарантиями соответствующих средств к существованию и наслаждений для бедных каст». Конкуренция контролируется обществом, становится правдивой и простой. Предпринимаются большие социальные работы, в частности ликвидируются трущобы, производится перестройка городов. Как и все утопии Фурье, гарантизм не требует широких изменений в политическом устройстве, он может начаться при монархии абсолютной и конституционной, при республике и любом другом строе». (Аникин А. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М.: Политиздат, 1975).

³⁸ Отмена рабства была результатом заказа феодального строя. Установление этого строя было делом случая, а не результатом философских исследований, философы всегда проповедовали предрассудки или опрометчиво их опровергивали, без подготовительных мер, что еще хуже, чем их поддерживать. – *Шарль Фурье*

предвидеть философы, таков торговый феодализм, не менее отвратительный, чем господство клубов. Это – продукт влияния коммерческого духа на социальную систему; его захватнические тенденции сулят страшные новшества, которые и не снились *цивилизованным*. Мой прогноз не должен пугать: не ужас, а радость должен он возбуждать, потому что теория социального движения дает возможность предвидеть и предотвратить все политические бури.

Х

Резкий контраст между обществом с прогрессивными сериями и обществом с разобщенными семьями

Общества первое и седьмое – серийного типа – представляют во всех отношениях полный контраст с обществами вторым, третьим, четвертым и пятым, – семейного типа (шестое составляет исключение: здесь принцип нарушен).

В четырех последних благополучие массы противоречит страстям индивидуума, так что правительство, орудуя в интересах массы, вынуждено прибегать к принуждению. Это не имеет места в серийных обществах, где общее благо настолько гармонирует с индивидуальными страстями, что управляющие органы ограничиваются уведомлением граждан о намеченных мероприятиях, таких как налоги, повинности; все выплачивается и выполняется в назначенный день сериями, на основании простого уведомления. Но в четырех дисгармонических обществах приходится прибегать к принуждению даже при мероприятиях явно полезных и проведение которых никого не утомляет, никому не вредит; таково единообразие весов и мер. Будь мы в седьмом периоде, или в шестом, правительство ограничилось бы уведомлением народов относительно предстоящих работ и грядущей присылки образцов; по прибытии этих образцов в каждой провинции, в каждом кантоне, их тотчас же пускали бы в дело, не ожидая приказаний.

Это сопротивление обществ второго, третьего, четвертого и пятого общепольным мероприятиям имеется как со стороны корпораций, так и со стороны индивидуумов; например, в Турции государственные чиновники как и народ, сопротивляются водворению военной дисциплины, потребность в которой, однако, ими чувствуется³⁹.

Общества второе, третье, четвертое и пятое со свойственными им нищетой и революциями, браком, плутовством и пр. обладают способностью отталкивать; иными словами, наблюдая друг друга и общаясь между собой, они отнюдь не хотят подражать одно другому. Мы наблюдаем варварское общество, но не хотим следовать его обычаям: оно видит наши общества и не желает им подражать; так обстоит дело с этими четырьмя обществами типа разобщенных семейств; подобно вредным животным, они не умеют ужиться; проживая по бок о бок друг с другом, соприкасаясь границами, ни одно из них не захотело бы войти в состав трех других; шестое же общество уже обладало бы небольшой силой притяжения для пятого.

Общества первое и седьмое, как и все другие общества с прогрессивными сериями, обладают свойством притягивать; как исключение, общество № 1 оказывало бы лишь слабое притяжение в отношении богатых классов обществ четвертого, пятого и шестого.

Седьмое общество обладало бы большой силой притяжения для всех классов – богатых и средних, несмотря на то, что оно лишь прокладывает путь к истинному счастью, наслаждаться которым начинают в восьмом. Однако, по сравнению со строем цивилизации, седьмое общество настолько уже счастливо, что, будь оно внезапно организовано, многие слабые и чувствительные люди занемогли бы от потрясения и сожаления, внезапно узрев столько счастья, коим они не насладились, между тем как насладиться могли бы.

Что касается восьмого периода, которому скоро предстоит родиться, то, чтобы дать некоторое представление о присущей ему силе притяжения, я скажу словами одного автора: «Если бы люди могли созерцать Бога во всей его славе, крайнее восхищение, быть может, вызвало бы их смерть». *Что же такое эта Слава Бога? Это есть не что иное, как царство гармонического строя, которому предстоит установиться и который представляет собою наипрекраснейшую из божественных концепций.* Если бы мы, люди, могли внезапно увидеть

³⁹ Народ, представляющий смесь цивилизации и варварства, по существу – нелепость. – Шарль Фурье

этот комбинированный строй, дело рук Божьих, в полном его действии (каковым я его обрисую в диалогах 2200 г.), вне всякого сомнения, многие *цивилизированные* были бы сражены насмерть силою своего экстаза. Одно уже только описание восьмого общества может породить в некоторых людях, особенно в женщинах, энтузиазм, граничащий с манией; в результате может явиться равнодушие к развлечению, небрежность в выполнении работ *Цивилизации*.

Чтобы умерить их изумление, я завожу речь издали и откладываю до третьего трактата картину комбинированного строя и сопоставление его с физическим и духовным бременем, гнетущим *цивилизированных*. Это сопоставление непременно привело бы в экстаз и в отчаяние самых несчастных из них, не будь оно преподнесено с надлежащей выдержкой, ослабляющей его силу действия; чтобы достигнуть этой цели, я нарочито буду говорить в первых трактатах холодным тоном и посвящу эти трактаты сухим заметкам об общих революциях движения и несуразницах у *цивилизированных*.

Общества с разобщенными семьями – второе, третье, четвертое, пятое и шестое, – обладают свойством порождать отвращение к труду земледельческому и мануфактурному, к наукам и искусствам; в этих пяти обществах ребенок отказывается работать и учиться, начинает громить все вокруг, как только он приобретает способность организовать группы или свободные объединения ему подобных. Удивительно это свойство рода человеческого, эта общая страсть детей к уничтожению, когда им предоставляют свободу. Совершенно противоположные свойства приобретает ребенок в серийных обществах: он работает неустанно и оказывает неоценимые услуги, стихийно беря на себя все мелкие работы, для которых используют у нас рабочую силу тридцатилетних. И, наконец, в сериях, построенных на притяжении страстей, он получает естественное воспитание; он получает образование без понуждения и контроля с чьей бы то ни было стороны. Как только он научается ходить, его предоставляют самому себе, давая возможность сколько угодно развлекаться с группами ему подобных; соревнования, импульса, сообщаемого сериями, достаточно, чтобы этот ребенок к 16 годам приобрел уже сведения во всех отраслях наук и искусств и практические знания в сфере сельского хозяйства и фабричного труда, практикуемого в данном кантоне. Приобретение этих знаний не сопряжено ни с какими издержками; наоборот, он обзаводится маленьким сокровищем в результате многочисленных трудов, выполненных им в детстве на основе соревнования, в силу притяжения, когда ему казалось, что он развлекается с детскими сериями, проявляющими в работе пламенное усердие⁴⁰.

Вне «страстных серий» естественное воспитание ребенка невозможно. Воспитание, получаемое каждым ребенком в дисгармоничном обществе, бывает различным в зависимости от каприза воспитателей или отцов и не имеет ничего общего с предначертаниями природы, которая стремится вовлечь ребенка в работу всех видов, видоизменяя характер труда примерно каждый час. Так именно совершается труд в комбинированном строе, где ребенок приобретает чудесную силу и ловкость, потому что он непрерывно находится в движении, притом разнообразном и чуждом крайностей.

Вне этого дети становятся грустными, неловкими, слабыми и грубыми; вот почему человеческая раса выродилась в какие-то полвека после распада первобытных серий. Но как только *социетарный* строй будет восстановлен, рост человека увеличится, разумеется, не у людей уже сформировавшихся, но у детей, воспитываемых в данном строе; в росте человека с каждым поколением будет прибавляться 2–3 дюйма, пока рост человека не достигнет в среднем 84

⁴⁰ Три силы – конкурирующие, соперничающие и независимые – влияют на его развитие: дети, женщины и мужчины. Я помещаю мужчин в третий ранг, потому что тяготение устанавливается от слабого к сильному, иными словами – силою вещей, обуславливающей производственное притяжение, дети будут притягиваться сильнее, чем отец и мать, и женщины сильнее мужчин; при комбинированном строе главный импульс труда будет исходить от детей, а затем наступит очередь женщин, которые будут вовлекать мужчин в производство. Я не вдаюсь в подробное объяснение этих непонятных положений: они дают предчувствовать, что механизм притяжения будет идти вразрез с общепринятыми взглядами цивилизованных. Да и может ли быть иначе, когда нет ничего более противоестественного, чем цивилизация! – Шарль Фурье

дюймов, или семи футов для мужчин⁴¹. Эти размеры будут достигнуты по истечении 9 поколений. Сила и долголетие будут возрастать в различных пропорциях вплоть до 16-го поколения. Тогда полная продолжительность жизни будет составлять 144 года и пропорционально этому возрастут силы человека.

Умственные способности будут развиваться гораздо скорее; я полагаю, что дюжины лет достаточно, чтобы превратить в людей *живых автоматов, именуемых крестьянами*; по своей крайней грубости они сейчас более сродни животному, чем роду человеческому.

В комбинированном строе люди самые бедные, простые землепашцы, рожденные земледельческой фалангой, приобщатся к знаниям всякого рода, и это всеобщее совершенство никого не будет удивлять, потому что комбинированный строй в силу тяготения страстей вовлечет людей в изучение наук и искусств, которые станут путями достижения огромного богатства, как это мы увидим во второй части данного трактата.

Обществам первому, второму и третьему не свойственно крупное земледельческое и мануфактурное производство; такое производство нарождается только в четвертом обществе, – варварском. Если бы крупное производство могло народиться в первом обществе, род человеческий был бы избавлен от несчастной необходимости – пройти через пять злополучных периодов; 3-й, 4-й, 5-й и 6-й, он сразу поднялся бы с первой ступени на седьмую, иными словами – совершил бы переход от серий смутных к сериям контурным. Этим преимуществом пользуются обитатели солнц и планет, снабженных кольцами, наподобие Сатурна; они минуют дикость, варварство, цивилизацию; они сохраняют серийный строй на всем протяжении своего социального развития; этим благополучием они обязаны обилию продуктов, созданных первым актом Творения.

Этот первый акт Творения, оказывающий огромное влияние на судьбу земного шара, на нашей земле был столь жалок, что не в состоянии был на долгое время обеспечить смутным сериям пищу, необходимую им для работы. Этим сериям нужны занятия многочисленные и весьма разнообразные; недаром серии не могли сложиться близ экватора, где созданные Богом несколько рас с первых шагов натолкнулись на помеху в виде диких зверей, пресмыкающихся и насекомых, парализовавших производительную деятельность человека. Столь же невозможно было образовать смутные серии в Южной и Северной Америке, где отсутствовали главные средства труда: там не было ни лошади, ни вола, ни барана, ни свиньи, ни птицы; та же бедность в царстве растительном и минеральном; у американцев не было в целом ряде мест ни железа, ни меди.

В последующие времена серии не могли образоваться на острове *Таити*, где, однако, были *зачатки социетарного строя в виде некоторой свободы любовных отношений*. Будь на этом острове животные, растения и основные минералы старого материка, мы нашли бы там, при открытии этого острова, вполне сформированные смутные серии, и эти народности обладали бы средним ростом в 74 дюйма, каков был первоначальный рост рода человеческого; к этому росту вернулся бы человек несколько поколений спустя в той стране, где был бы восстановлен первый или седьмой период. Я говорил, что мужчины достигнут роста в 84 дюйма

⁴¹ Я беру парижский фут отнюдь не произвольно, но в качестве естественной меры: он равняется $1/32$ высоты столба воды в нагнетательных насосах. Парижский дюйм и парижская линия – тоже подразделения естественной меры; согласно правилам естественной экономии, оперировать при исчислениях (*pour agents de numération*) надо такими числовыми величинами, которые содержали бы наибольшее количество общих делителей в наименьшей сумме единиц. Таким образом, при выборе следовало бы остановиться на 12 и его степенях. Ученые сходятся на этом, хотя обычай и отдает предпочтение числу 10, очень неудобному для исчисления, так как 10 и 14 из всех четных чисел наименее поддаются подразделению. Это число 10 может нравиться цивилизованным, которые придерживаются в большей мере навыков, чем рассудка, и усматривают непреодолимые помехи для каждого разумного новшества. Но когда все способы счисления, как то: язык, мера, исчисление и т. д., будут введены на земном шаре в единую систему, тогда люди не замедлят изъять числа 10 и 9, которые в употреблении в Европе и в Татари. – *Шарль Фурье*

в восьмом периоде, который еще более благоприятен для физического и духовного развития рода человеческого и домашних животных, обслуживающих человека.

Создавать крупное производство человек начинает в четвертом обществе – в варварском. В пятом, или в цивилизации, он создает науки и искусства, с этого момента он обладает всем необходимым для организации прогрессивных серий и поднятия их на степень большой роскоши. Шестой период лишь прокладывает путь промышленным сериям, частично складывающимся в седьмом.

Общества второе, дикое, и четвертое, варварское, застойны и отнюдь не тяготеют к какому-либо строю высшего порядка. Дикари не имеют никакого желания возвыситься до варварского строя, который выше их собственного в производственном отношении, а варвары упорно отказываются возвыситься на ступень цивилизации. Эти два общества, дикое и варварское, неизменно прикованы к своим обычаям, независимо от того, хороши они или плохи.

Общества третье, пятое и шестое стремятся более или менее к прогрессу, свидетельством чему *Цивилизация*. Она во всех направлениях стремится к совершенствованию. Государи каждый день пытаются ввести административные новшества; философы изо дня в день предлагают новые политические и моральные системы. *Цивилизация* из кожи лезет вон и в теории и на практике, чтобы достигнуть шестого общества, и не в состоянии этого сделать, потому что соответствующее изменение, повторяю, зависит от мер бытового и производственного характера, а не от систем управления, тогда как философия занимается исключительно последними, никогда не желая задуматься над преобразованием бытового и общественного строя.

Укажу еще на одну противоположность по линии правдивости: правда царит в обществах, образуемых теми или иными сериями, а лживость – в обществах с разобщенными семьями.

В первых правдивость обеспечивает каждому больше выгод, чем лживость, и, следовательно, каждый индивидуум, будь он порочен или добродетелен, любит правду и на практике правдив, так как правда, – путь к благосостоянию. Вот почему на протяжении этих 24 обществ, включая сюда и *гарантизм*, во всех производственных отношениях царит яркая правдивость.

Обратное явление имеет место в восьми обществах с разобщенными семьями: здесь богатство достигается лишь путем хитрости и вероломства, и следовательно мошенничество одерживает верх на всем протяжении этих восьми периодов; недаром мы видим, что в цивилизации, общественном строе семейного типа, успех венчает лишь плутовство, а исключения из этого правила столь редки, что служат лишь его подтверждением.

Общества второе, дикость, и шестое, *гарантизм*, менее благоприятны для лжи, чем строй цивилизации; однако это все еще притоны мошенничества, по сравнению с той яркой правдивостью, которая царит в 24 обществах с прогрессивными сериями.

Отсюда умозаключение, которое может показаться фантастичным и все же будет строго доказано: в 18 обществах комбинированного строя свойство, самое существенное для торжества правды, – любовь к богатству. Человек, который в рамках цивилизации пускается на всевозможное плутовство, будет человеком самым правдивым в строе комбинированном; дело в том, что этот человек плут не потому, что обман доставляет ему удовольствие: он плутует лишь для того, чтобы добиться богатства; покажите ему, что он может заработать тысячу экю путем лжи, а три тысячи экю правдивостью, и он предпочтет правду, каким бы плутом он ни был. На этом основании люди самые корыстолюбивые скоро станут самыми горячими приверженцами правды в том строе, где правдивость будет обеспечивать быстрый доход, а практика лжи – вызывать неизбежное разорение.

Нет ничего легче, как обеспечить торжество правды на всей земле; для этого достаточно выйти из обществ: второго, третьего, четвертого, пятого и даже шестого, и организовать общества серийного характера. Эта перемена не внесет ни малейшего замешательства, потому что

она коснется лишь бытового и производственного укладов, а это не имеет никакого отношения к управлению.

Весь распорядок комбинированного строя будет прямой противоположностью нашим навыкам и вынудит поощрять все то, что мы именуем пороком, например, страсть к лакомству и любовные утехы. Те кантоны, где эти мнимые пороки достигнут наибольшего развития, будут наилучшими в производственном отношении, а их находящиеся в обращении акции найдут максимум держателей среди капиталовкладчиков.

Сколь бы странными ни казались высказываемые мной положения, я позволю себе на них остановиться, чтобы приковать внимание читателя к одной великой истине: Бог, несомненно, сформировал наши характеры в соответствии с запросами комбинированного строя, который будет продолжаться 70 тысяч лет, а отнюдь не в соответствии с запросами строя разобщенного, которому суждено продолжаться лишь 10 тысяч лет. Исследуя же потребности комбинированного строя, вы увидите, что в ваших страстях нет ничего порочного: возьмем для примера любой характер, хотя бы характер хозяйки.

В эпоху *Цивилизации* желательно, чтобы все женщины любили заниматься хозяйством, потому что общее их предназначение – замужество и ведение разобщенных семейных хозяйств; однако, изучая вкусы молодых девиц, вы видите, что добрых хозяек среди них найдется не больше одной четверти, а три четверти не имеют ни малейшего тяготения к этой работе; многие из них любят наряды, ухаживания и развлечения. Отсюда вы делаете вывод, что три четверти молодых девиц – порочны; а между тем порочен лишь ваш социальный механизм. В самом деле, если бы все молодые девицы, согласно вашим желаниям, страстно любили хозяйственные заботы, три четверти женщин были бы совершенно непригодны для комбинированного уклада, который будет продолжаться 70 тысяч лет. Дело в том, что при этом укладе хозяйственные функции благодаря ассоциации настолько упростятся, что для них не потребуется даже одной четверти женщин, занятых ими сейчас; вполне достаточно, чтобы из числа женщин одна четверть или одна шестая были хозяйками. Эту пропорцию, должно быть, соблюдал Бог, создавая хозяек в количестве, соответствующем 70 тысячелетиям счастья, а не 5 тысячелетиям несчастий, переживаемых нами ныне. На чем помирились бы женщины в комбинированном строе, если бы для работы, требующей сотни женщин, налицо оказалось 400? Отсюда получилось бы пренебрежение к другим занятиям, уготованным женщине, и каждый стал бы говорить, что Бог поступил неразумно, наделив всех женщин свойствами хозяйки, нужными только для одной четверти.

Итак, мы приходим к заключению, что женщины, каковы они есть, вполне хороши, что три четверти из них имеют полное основание пренебрегать хозяйственной работой; что порочны только цивилизация и философия, несовместимые с природой страстей и с предначертаниями Бога, как это я поясню дальше в трактате о притяжении.

Аналогичные доводы можно привести в пользу любой из страстей, которые вы именуете пороками. Благодаря теории комбинированного строя вы поймете, что все наши характеры хороши и разумно распределены, что природные наклонности надо развивать, а отнюдь не исправлять. Вам кажется, что ребенок исполнен пороков, только потому, что он – *лакомка, спорщик, фантаст, непослушен, дерзок, любопытен, неукротим*; этот ребенок – самое совершенное существо; при комбинированном строе он будет самым ревностным тружеником; 10 лет от роду он уже заслужит степень в детских сериях, наивысших в данном кантоне; а честь возглавлять эти серии на парадах и на работе сделает для него самую утомительную работу игрой.

В наши же дни, признаюсь, этот ребенок невыносим; то же можно сказать о всех детях; но порочного среди них нет. Мнимые пороки заложены в них природой. Эта страсть к лакомствам, к свободе, вами во всех детях подавляемая, дарована им Богом, который сумел наметить разумный план распределения характеров; повторяю, порочна *Цивилизация*, которая несовме-

стима ни с развитием, ни с использованием черт, вложенных Богом. Еще порочна философия, которая не хочет признать, что цивилизация противоречит предназначениям природы, так как вынуждает заглушать вкусы, присущие всем детям. Такова страсть к лакомствам и строптивость у мальчиков, страсть к нарядам и к рисовке у девочек; так обстоит дело и с другими возрастами, склонности или влечения которых именно таковы, какими они, по мнению Бога, должны быть в соответствии с комбинированным строем, который есть не что иное, как синтез, развернутая система притяжения. Займемся же его анализом; люди не подумали заняться им до сих пор.

XI

Об изучении природы на притяжении страстей

При сопоставлении безмерности наших желаний с ничтожными средствами их удовлетворения может показаться, что Бог действовал опрометчиво, наделяя нас жадой наслаждений и страстями, которые служат для нас пыткой, возбуждая тысячи желаний, тогда как мы не можем удовлетворить и десятой доли их при строе *Цивилизации*.

На основании таких рассуждений моралисты пытаются исправить дело рук Божьих, умирить, подавить страсти, которые они не умеют удовлетворить и которых они даже не знают; ведь из двенадцати страстей, которые являются основными движениями души, им известны лишь девять; но представление о четырех главных у нас весьма несовершенно.

Эти девять уже известных страстей суть пять чувственных вожделений, которые владеют в большей или меньшей мере каждым индивидуумом, и четыре простые душевные эмоции, а именно:

- 6 – группа дружбы,
- 7 – группа любви,
- 8 – группа отцовства, или семейная,
- 9 – группа честолюбия, или корпорации.

Моралисты хотят дать этим девяти страстям направление, противное заветам природы. Сколько разглагольствовали они на протяжении двух тысячелетий, чтобы умирить и видоизменить пять чувственных вожделений, чтобы уверить нас в том, что бриллиант – отвратительный камень, а золото – гнусный металл, что сладость и ароматы достойны презрения, а хижина и простая грубая природа предпочтительнее королевского дворца. Так старались моралисты глушить чувственные страсти; не щадили они и страстей душевных. Сколько злословили они против честолюбия. По их словам выходило так, будто желательны должности лишь средней руки и малоодоходные; если какая-либо должность приносит доход в размере 100 тыс. фунтов, в угоду морали надо брать себе из них только 10 тыс. Еще смехотворнее их взгляды на любовь; они хотят, чтобы в любовных отношениях царили постоянство и верность, столь несовместимые с природными инстинктами и столь утомительные для обоих полов, что при наличии полной свободы никто этому не следует.

Все эти философские капризы, называемые долгом, не имеют ничего общего с природой; долг исходит от людей, а влечение от Бога: если хотите познать предначертания Божьи, изучайте притяжение, только природу, не приемля долга, понятие о котором меняется с каждым веком и с каждой страной, тогда как природа страстей была и будет неизменна у всех народов.

Как надо изучать, я покажу на исследовании чувства отцовского и сыновнего.

Моралисты стремятся установить равенство привязанности между отцами и детьми. Они ссылаются при этом на священный долг, а природа с ними совершенно не согласна. Чтобы уяснить себе ее намерения, забудем о должном и проанализируем сущее. Мы замечаем, что привязанность отцов к детям, примерно, в два или три раза превосходит привязанность детей к отцам. Диспропорция огромна, и она кажется несправедливой; но вопрос о несправедливости и порочности не должен занимать нас при исследовании того, что есть, а не того, что должно быть.

Если, вместо того чтобы исправлять страсти, вы станете исследовать побудительные мотивы природы, сообщившей страстям направление, столь отличное от долга, вы скоро заметите, что так называемый священный долг не имеет ничего общего со справедливостью. Свидетельством тому занимающая нас проблема: несоответствие любви отцовской и сыновней. Для такого неравенства имеются уважительные причины, причем не одна, но целых три.

1. До наступления зрелости ребенок не понимает сущности отцовства; он не может оценить и уяснить себе его значение; в младенческом возрасте, когда складывается его сыновняя привязанность, от него тщательно скрывают природу того акта, который лежит в основе отцовства; в эту эпоху любовь его может носить лишь характер симпатии, а не любви сыновней. Не должно требовать от него привязанности в благодарность за заботы родителей по его воспитанию; такая рассудочная благодарность не свойственна моральным способностям ребенка; требовать рассудочной любви от существа, неспособного жить рассудком, значит самому быть младенцем. Кроме того, благодарность родит дружбу, а не сыновнюю любовь, которую в младенческом возрасте ребенок не может ни познать, ни почувствовать.

2. Подросток в возрасте от 7 до 14 лет родители осаждают своими наставлениями; эти нравоучения бывают приправлены дурным обращением; а так как ребенок недостаточно разумен, чтобы осознать необходимость принуждения, то его привязанность непременно будет складываться в зависимости от ласки, ему оказываемой; зачастую ребенок любит деда, соседа, слугу больше тех, кто дал ему жизнь, и отцы не вправе на это жаловаться; при некоторой проницательности они должны понять, что ребенку (в силу указанных выше мотивов) свойственна любовь лишь как чувство симпатии, а это чувство развивается в соответствии с добротой и чуткостью, вносимой отцами в свои отцовские функции.

3. Когда подросток, достигнув половой зрелости, начинает понимать сущность отцовства и материнства, он убеждается, что родительская любовь не бескорыстна; в основе ее лежит уцелевшее в родителях воспоминание о былых наслаждениях, связанных с его зачатием, честолюбивые мечты или сознание своей слабости, развлечения, доставляемые ребенком в детстве, когда он очаровательно скрашивал родителям досуг. Поняв все это в сознательном возрасте, ребенок не может считать себя в долгу перед родителями, которым он доставил столько радостей, им не разделенных (и которых его хотят лишить в лучшую пору жизни). Это сознание скорее ослабит, чем усилит его привязанность; он понимает, что его зачали из любви к наслаждению, а не из любви к нему самому, а может быть, зачали вопреки желанию, то ли в силу неловкости увеличив потомство, и без того многочисленное, то ли желая ребенка другого пола. Коротко говоря, в эпоху юности, когда сыновняя любовь может зародиться, тысячи соображений подрывают престиж родителей, делая смешной в глазах юноши роль, отводимую отцовству. Таким образом, если родители не сумели снискать его уважение и дружбу, он не будет чувствовать к ним сыновней любви, даже в небольшой дозе, установленной природой в качестве долга детей в отношении родителей; эта доза покажется нормальной, если учесть, что при комбинированном строе, к которому перейдет земной шар и применительно к которому заложены в нас страсти, воспитание не будет стоить отцам ни малейшего труда.

В настоящее время людям кажется, что трудности воспитания дают отцам неограниченные права на любовь детей, но это объясняется лишь тем, что они не взвесили трех ослабляющих моментов, только что мною приведенных:

- 1) полное непонимание детьми в младенческом возрасте сущности отцовства;
- 2) испытываемое ими в отроческом возрасте отвращение к злоупотреблению и неразумному осуществлению отцовской власти;
- 3) наблюдаемое ими в юности резкое несоответствие между большими претензиями отцов и мнимыми заслугами, на которых эти претензии основаны.

Учтя при этом еще и другие моменты второстепенного характера, например предпочтение, оказываемое родителями одному из детей, обидное для других детей, мы поймем, почему сыновняя привязанность вдвое меньше родительской; если ребенок привязан сильнее – это под влиянием симпатии, а не кровного родства. Случается нередко, что ребенок привязан к одному из родителей в два-три раза больше, чем к другому: хотя формальное право на любовь у обоих родителей и одинаково, но характер одного из них более сродни ребенку.

Все это – истины, которые цивилизованные не хотят ни осознать, ни положить в основу своих социальных расчетов. Бедные наслаждениями, они хотят быть богаты иллюзиями; они присваивают себе право собственности на привязанность слабейшего. 60-летний муж претендует на безраздельную любовь 20-летней супруги; мы прекрасно понимаем, в какой мере обоснованы эти претензии; отцы хотят быть божеством, идеалом в глазах детей; они вопиют о неблагодарности, получая от детей любовь лишь в меру ими заслуженного. За отсутствием подлинной привязанности они питаются химерами: они любят, чтобы в романах и комедиях им рисовали безграничную сыновнюю любовь и супружескую верность, которой нет и тени в семье. Питаясь этими нравственными химерами, *цивилизованные* утрачивают способность к исследованию общих законов природы; они возводят в степень закона свои собственные капризы и деспотические претензии и обвиняют природу в несправедливости, не желая заняться исследованием цели, к которой тяготеют ее предначертания.

Чтобы раскрыть эту цель, надо, минуя идею долга, приступить к анализу и синтезу притяжения страстей, которое кажется нам порочным только потому, что мы не ведаем его цели, и которое, будь оно порочно или нет, никогда не было предметом систематического анализа.

Чтобы читатель различал между притяжением и долгом и исследовал притяжение независимо от предрассудочного понятия о долге, я дам в третьей части этого трактата новую главу, посвященную этому вопросу, главу о сложных контр-движениях, из которой будет видно, что притяжение не может быть подавлено, хотя бы и противоречило долгу. Итак надо капитулировать перед этой сиреной и приступить к изучению его законов, вместо того чтобы диктовать ему наши законы, которыми оно пренебрегало и вечно будет игнорировать во славу Бога и к величайшему конфузу наших неустойчивых систем.

ХII

Древо страстей и его разветвления, или ступени и градации 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я

Начнем с первой ступени, имеющей три разветвления; в дальнейшем мы будем говорить о стволе, или *унитеизме*⁴², как источнике всех страстей, которых на первой ступени 3, на второй 12 и т. д.

На первой ступени, или при первом разветвлении ствола, имеются три страсти, три *подочага* или центра притяжения, к которым тяготеют люди всех рангов, всех возрастов; эти три страсти следующие:

- 1) *люксизм, или жажда роскоши;*
- 2) *группизм, или стремление к образованию групп;*
- 3) *серизм, или тяга к образованию серий.*

Будем исследовать эти страсти в их подразделениях, соответствующих количеству страстей на следующей ступени, во втором разветвлении их дерева на 12 ветвей, образующих гамму страстей, аналогичную гамме музыкальной.

1-й подочаг. Роскошь. Она охватывает пять управляемых ею страстей вторичного характера, называемых чувственными, или влечением пяти органов чувств. *Люксизм* бывает внутренний и внешний. В первом случае дело касается здоровья, которое обеспечивает нам полноценность и непосредственность всех чувственных восприятий. Но эти чувственные восприятия невозможны вне богатства; хороший желудок и великолепный аппетит вам не помогут, если у вас нет ни гроша, чтобы пообедать. У кого нет гроша, тот обречен на голод, на косвенное подавление своих чувств; чувства не могут функционировать полноценно без посредства денег, которым в *цивилизации* все подвластно.

С другими четырьмя внешними органами чувств дело обстоит точно так же, как и со вкусом: амплитуда каждого из них вне богатства минимальна. Пусть у вас превосходный слух – без денег вам не попасть ни в оперу, ни на концерт, между тем как при наличии туго набитого кошелька доступ туда свободен любому человеку с плохим слухом. Для счастья недостаточно роскоши внутреннего характера или здоровья; нужна еще роскошь внешнего характера, или богатство, которое обеспечивает полноту чувственных восприятий, предпосылкой чего является здоровье, или роскошь внутреннего характера.

Наличие исключений лишь подтверждает правило. Молодая девушка встречает старика, который обеспечивает ей счастливую жизнь, полноту чувственных радостей, хороший стол, наряды и пр., чего ей доставало. В этом случае одно из пяти чувств – осязание, действует в виде полового влечения, чтобы обеспечить посредством богатства внешнее функционирование четверем остальным, которые сами по себе имели бы лишь внутреннее функционирование, или здоровье, и вне богатства находились бы лишь в потенции, будучи лишены позитивного двигателя; вне богатства, предоставленного стариком, уделом девушки были бы лишения вся-

⁴² «Унитеизм есть страсть к единству, „склонность индивида согласовывать свое счастье со счастьем всех, кто его окружает, и всего рода человеческого“; эта дополнительная страсть производит Оригиналов, людей, которым неуютно в этом мире и которые не могут приспособиться к обычаям Цивилизации; стало быть, это и есть страсть самого Фурье. Унитеизм ни в коей мере не является моральной страстью, которую можно рекомендовать (любите друг друга, объединяйтесь), поскольку единство Гармонии есть комбинация, структурная игра различий; Унитеизму противостоит именно упрощенчество, порок цивилизованного духа, „использование разума при отсутствии чудесного, или чудесного при отсутствии разума“; упрощенчество „помешало бы Ньютону открыть систему природы, а Бонапарту – завоевать мир“. Упрощенчество (или тоталитаризм, или монолизм) в наши дни можно считать либо цензурой Потребности, либо цензурой Желания; на что в Гармонии (в Утопии?) могла бы ответить наука, сочетающая потребность с желанием». (Барт Р. Сад, Фурье, Лойола. М.: Практикс, 2007. С. 135).

кого рода, страдало бы и чувство осязания, так как у бедняков слишком мало средств и возможностей для любовных связей с теми, кого они любят.

Отсюда мы заключаем, что роскошь есть фактор сложный, а не простой, что она бывает внутренняя и внешняя, – существенный принцип, устанавливаемый нами, чтобы констатировать путаницу физических наук во всяком вопросе, касающемся единства движения. Доказательством тому споры по вопросу о простоте и сложности света. Если свет – тело простое, в таком случае, в силу единства природы, роскошь тоже должна быть элементом простым. Роскошь – первичная цель притяжения страстей, подобно тому, как основа света, или солнце, есть первый центр материального притяжения. Но так как мы видим, что роскошь есть фактор сложный, следовательно, сложен и свет; в противном случае в системе природы оказалось бы раздвоение между движением материи и движением страстей.

2-й подочаг группы. Это ответвление охватывает четыре страсти вторичного характера, так называемые аффективные (affectives).

Мажор:

1. *Группа честолубия или корпоративного чувства.*
2. *Группа дружбы.*

Минор:

1. *Группа любви.*
2. *Группа семейная, или родственная.*

Наши законодатели стремятся подчинить социальную систему последней из четырех групп, группе семейной, Богом почти лишенной влияния при социальной гармонии, потому что узы в этой группе носят материальный или принудительный характер, а не характер свободного объединения, основанного на страсти и расторгимого по желанию.

Принятие за *стержень* социального механизма именно той из четырех групп, которой суждено обладать наименьшим влиянием за отсутствием в ней свободы, достойно людей, которые во всех своих расчетах идут вразрез с природой; в гармонии же эта группа будет активно использована лишь в случае поглощения ее тремя другими группами и функционирования ее в их духе.

Так как всякое принуждение порождает лицемерие, то оно будет прямо пропорционально влиянию семейной группы как несвободной и нерасторгимой; не даром общественные ступени – *цивилизация и патриархат*, – где эта группа господствует, как нельзя более лживы. Общество варварское более кровавое, более деспотическое, чем наше, все же менее лживо, так как семейная группа – один из сильнейших зачатков лживости в недрах движения – пользуется там меньшим влиянием. В качестве нерасторгимого союза семья чужда предначертаниям Бога, которому угодно, чтобы узы и импульсы направлялись лишь притяжением и свободой.

3-й подочаг – серии, или совокупности групп, связанных в серии и обладающих теми же свойствами, что и геометрические ряды. Это третье ответвление дает три из 12 вторичных страстей; они именуются распределяющими (distributives) и ведут к социальному и домашнему механизму, совершенно неизвестному цивилизации. Первобытному обществу он был знаком; эту тайну утраченного счастья надо вновь разгадать. Таким образом, план гармонической увязки страстей сводится главным образом к искусству формирования групповых серий и приведению в действие их механизма.

Если бы ученые верили в единство Вселенной, о котором они прожужжали нам уши, они бы понимали, что, поскольку весь мир и все творения распределены по сериям, необходимо для нашей связи с мировым единством установить аналогичный порядок в игре социальных и домашних страстей.

Ученым не угодно было допустить эту аналогию и сделать из нее вывод относительно необходимости исследования способа формирования серий на основе страстей, тайну которых я раскрываю.

Так как в этом томе я не освещаю полностью данного вопроса, лишь поверхностно касаясь серий в примечании А и во второй части – втором примечании, то я считаю ненужным давать здесь определение трех страстей, которые ведут к образованию серий; какой смысл характеризовать три новых двигателя без описания их функций в социальном и домашнем механизме!

В дальнейшем мы часто будем возвращаться к этому подразделению 12 вторичных страстей на 5 телесных, или чувственных, и 7 душевных, или душевного происхождения (таковы 4 аффективных и 3 распределяющих). Они имеют свой коллективный очаг, или ствол, – *унитеизм*; эта страсть дала три первоначальные ветви и сама является результатом их комбинированного действия.

Унитеизм есть склонность индивидуума к увязке собственного счастья со счастьем всего, что его окружает, и всего рода человеческого, столь ненавистного людям в наши дни. Это – филантропия, не знающая границ, всеобщее взаимное доброжелательство; оно сможет развиваться лишь в ту пору, когда весь род человеческий будет богат, свободен и справедлив в соответствии с тремя страстями – подочагами: *люксизмом, группизмом и сериизмом*, которые требуют:

в первом подразделении богатства различных степеней для удовлетворения пяти внешних органов чувств;

во втором подразделении – абсолютной свободы для четырех групп;

в третьем подразделении – справедливого распределения по страстям этого наименования.

Если *унитеизм* охватывает три первичных страсти, то он включает в себя и 12 вторичных, содержащихся в трех первичных. Не правы ли мы, сравнивая *унитеизм* с белым лучом, который содержит в себе семь цветов радуги? Надо помнить, что этот луч содержит еще пять других, не видимых нашим глазом и не замечаемых нами: розовый, малиновый, каштановый, *зеленый оттенок драгун*, сиреневый (я твердо уверен лишь в розовом и малиновом). В действительности, белый луч содержит 12 лучей, из коих нам видимы лишь семь; так и музыкальная октава содержит двенадцать звуков, но в гамме звучат лишь семь. Было бы неправильно, неточно изображать *унитеизм*, как объединение семи душевных страстей, так называемых аффективных и распределяющих, потому что это сочетание предполагает наличие пяти чувственных страстей и, следовательно, функционирование двенадцати страстей вторичного характера.

В этом проспекте не хватает определения *унитеизма*, или коренного ствола страстей, но он при цивилизации не действует: таким образом, достаточно приковать внимание к противоположной ему страсти, или эгоизму, который господствует столь безраздельно, что система совершенствуемого совершенства – идеология – кладет эгоизм или собственное «я» в основу всех своих построений. Изучая *цивилизированных*, люди естественно видели в них лишь разрушительные страсти, которые имеют свои градации, подобно страстям в гармонии.

Наши ученые не знают *унитеизма*, или безграничной филантропии: вместо этой страсти они видели лишь ее пагубный антипод, свойственную человеку манию все подчинять своим собственным удобствам. Эта отвратительная наклонность имеет различные наименования в мире ученых: у моралистов она называется эгоизмом, у идеологов – собственным «я», термин новый, который, однако, не вносит ничего нового и является лишь бесполезной перефразировкой эгоизма; в нем всегда обвиняли *цивилизированных*, и обвиняли вполне основательно, потому, что их общественный быт, это царство лицемерия и гнета, ведет к подчинению всех двенадцати страстей эгоизму, который становится разрушительным очагом и заступает место *унитеизма*, или гармоничного очага страстей.

Так как счастье – общая цель наших устремлений – является двигателем *унитеизма*, приводящего в движение все страсти, то следует ради упрощения исследования остановиться на

трех первичных страстях – *люксизме, группизме, сериизме*, или, в крайнем случае, на 12 вторичных, которые являются подразделениями трех первичных. Бесплезно было бы преждевременно вдаваться в подробную характеристику 32 страстей третьей ступени и 134 – четвертой и т. д., поскольку полноценное развитие трех первичных обеспечивает развитие 32 третичных, 134 – четвертой ступени, 404 – пятой и т. д....

Итак, в данном проспекте больше чем достаточно осветить вопрос о расцвете трех первичных страстей и 12 вторичных, именуемых корнями октавы и гаммы страстей.

Мы прекрасно знаем пять страстей чувственных, ведущих к роскоши, четыре «аффективных», ведущих к образованию групп; нам остается ознакомиться с тремя распределительными, комбинированное действие которых порождает серии – социальный метод, тайна которого утеряна первыми людьми, сумевшими сохранить серии лишь около 300 лет. Наконец-то тайна этого механизма вновь обретена и намечены мероприятия, необходимые для применения его к крупному производству!

Итак, наша задача в простейшей формулировке сводится к определению игры *сериизма*, или третьей первичной страсти; это она поддерживает в состоянии равновесия две других – *люксизм* и *группизм*, которые без содействия *сериизма* оказались бы в состоянии постоянной распри.

Аккорд из трех страстей дает счастье, обеспечивая развитие *унитеизма*, ствола и корня страстей; это он порождает все разветвления различных ступеней.

Я дал классификацию, или систему градаций; повторяю, дерево, вышедшее из недр унитеизма, – страсти, неведомой у нас и являющейся антиподом эгоизму, – дает на первой ступени три, на второй двенадцать, на третьей тридцать две, на четвертой сто тридцать четыре, на пятой четыреста четыре плюс стержень, который никогда не принимается в расчет в движении.

Характеры и темпераменты располагаются в том же порядке, с некоторыми видоизменениями; темпераментов – четыре на второй ступени плюс очаг; четвертая ступень может видоизменяться в пределах от 30 до 32; так и другие.

Можно было бы продолжить анализ страстей, характеров и темпераментов вплоть до 6-й, 7-й и 8-й ступеней. Но для нашей любознательности на первых порах достаточно будет пятой ступени, так как она дает совокупность *гармонической фаланги*, или *домашней судьбы* (*destinee domestique*). Итак, продолжаю.

В соответствии с единством мира материального и мира страстей система тяготения очень подробно описана и прослежена в механизме звездной системы. Мы видим там в клавиатуре 32 клавиши, или планеты, тяготеющие в сложной комбинации к *унитеизму* на основе равновесия и согласования всей системы со звездной сферой, в центре которой она находится. Переходя к подразделениям, и прежде всего к подразделению первой степени, система тяготеет к трем *подочагам*:

- 1) люксу, или солнечному центру;
- 2) к четырем группам, образуемым четырьмя планетами, имеющими луны;
- 3) к серии, образуемой сочетанием четырех групп и разных небесных тел вокруг солнечного стержня.

Перейдем к беглому рассмотрению двенадцати страстей коренной октавы второй степени.

ХIII О двенадцати страстях, коренных в октаве⁴³

Я уже дал их классификацию – пять чувственных, четыре аффективных, три распределительных. Трое последних едва известны *цивилизированным*; мы наблюдаем лишь их проблески, и эти проблески порождают великий гнев моралистов, яростных врагов наслаждения. Влияние этих трех страстей столь незначительно и проявляются они столь редко, что мы не имеем даже их отчетливой классификации; я должен был назвать их *страстью к соединению (engrenante)*, *страстью к переменам (variante)* и *градационной (graduante)*⁴⁴; но я предпочитаю именовать их

⁴³ «... кроме того, что он был социалистом, то есть представителем определенной линии политической мысли, он был еще и безумцем, и метафизиком, то есть философом, очень склонным к числовой мистике. Будучи сам немножко педантом, он очень любил считать. Он разделил человеческие страсти на двенадцать основных, потом строил и подсчитывал возможные из этих двенадцати страстей комбинации. Но кстати, здесь существуют два следствия. Одно – лингвистическое следствие, потому что, делая очень дробную классификацию, подсчитывая что-то, мы должны называть элементы классификации словами, а язык наш беден, и приходится изобретать слова. И он изобретал фантастические, очень красивые слова [...] Просто очень интересно. Особенно в одной его книге, которая долгое время оставалась неопубликованной [...] Добродетельные, просто до ужаса пресные ученики Фурье (сам Фурье был безумец, а ученики, будучи тоже революционерами, были при этом очень, так сказать, порядочными людьми, „поджатогубиками“) ужасно стеснялись этого манускрипта [...] Манускрипт был опубликован где-то, может быть, в шестьдесят втором году в Париже (в 1967 г. в издательстве «Антропос» – *примеч. ред.*) Он называется «Новый любовный мир» – толстенная книга в четырехста страниц, где Фурье применил все принципы своей философии, в том числе и серийный принцип комбинаций возможных человеческих страстей. Он применил все это к любовным отношениям и в итоге получил очень забавные, смешные, веселые вещи, потому что ведь самое прекрасное зрелище – это, вообще-то, зрелище человека, идущего до конца в возможностях мысли или желания. [...] Для Фурье богатством отношений было, в том числе, и отношение любовное, и потом, у него есть прекрасные рассуждения о всяких страстях и прочее, есть фантастическое, просто невиданное описание полигамических оргий, причем при словесно-количественной мании он ведь должен каждое сочетание, позицию как-то называть, и у него, повторяю, просто фантастические названия». (Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 307–309).

⁴⁴ Три высшие страсти Фурье практически не упоминает в этой книге, но он весьма подробно описывает их в работе «Новый промышленный и общественный мир или изобретение метода привлекательной и естественной индустрии организованной по сериям построенным на страстях» (М.: Соцэкгиз, 1939 г.): «... Это созвучие устанавливается при посредстве трех малоизвестных и оклеветанных страстей, которые я назову: 10) кабалист, 11) папийон и 12) композит. Они должны установить гармонию страстей внутри и извне, в их внутренней и внешней игре... Кабалист, или дух партий, – это мания интриговать, чрезвычайно сильная у честолюбцев, придворных, корпоративных организаций, коммерсантов и светских людей. Отличительной чертой интриги всегда было сочетание расчетливости со страстью: у интригана все построено на расчете: жест, взгляд, все обдуманно и, однако, быстро... Этот пыл десятой страсти, называемой кабалист, является, таким образом, рассудочным и образует контраст со слепым стремлением порывов, характерным для 12-й страсти – композит. Каждая из этих двух страстей стимулирует группы промышленной серии посредством двух противоположных импульсов. Кабалист является для человеческого разума потребностью столь властной, что, за отсутствием реальных интриг, он жадно ищет искусственных – в игре, в театре, в романах. Если вы соберете компанию, то нужно им создать искусственную интригу, засадив их за карты или выдумав какой-нибудь предвыборный заговор. Главное свойство страсти кабалист в механизме серии – возбуждать разногласия или соперничество между группами родственного характера, чтобы оспаривать пальму первенства и влиять на исход голосования. Страсть папийон приводит к равновесию между телесными и духовными способностями, что является залогом физического здоровья и развития ума. Только она может создать то всеобщее доброжелательство, о котором мечтают философы; поэтому, если участники какой-нибудь работы рассеяны в сотне других групп, то в силу этого состояния получается, что каждая группа имеет друзей во всех других группах. В механизме строя Цивилизации мы наблюдаем как раз обратное: каждая профессия равнодушна к интересам других профессий, а часто даже враждебна им. Страсть папийон является *мудростью с оттенком сумасшествия*; то же самое можно сказать о двух других страстях. Эти три страсти чрезвычайно активны у детей, у нейтрального пола, который, будучи лишен двух страстей, называемых низшими сердечными страстями, половой любви и отцовской любви, с большим увлечением отдается трем механизмирующим страстям: поэтому мы видим, что дети склонны к интриге, к экзальтации и к непостоянству даже в играх, которые никогда не продолжаются свыше двух часов без перемен... Одиннадцатая, так называемая папийон – страсть к порханию – потребность разнообразить свои наслаждения, порхать от одних удовольствий к другим, ... страсть двенадцатая, так называемую композит, потребность упиваться одновременно двумя наслаждениями, сочетание которых поднимает опьянение на ступень экзальтации. Кабалист и композит представляют совершенный контраст: первая – порыв умозрения и рассудка; вторая – порыв слепой, состояние упоения и воодушевления, рождающихся под влиянием чувственных и духовных наслаждений, испытываемых одновременно... Резюмируя сказанное, приходим к заключению, что три органических импульса серий: страсть кабалист, или рассудочный порыв, страсть композит, или слепой порыв, страсть папийон, или мания разнообразия, настолько идентичны с тремя рычагами компактной последовательной расстановкой групп, разделением труда и короткими сеансами по выбору, что можно с таким же успехом обосновать теорию импульсов или рычагов, потому что одно порождает другое: действие этих шести двигателей в страстной серии нераздельно». – *Примеч. ред.*

по номерам – 10, 11, 12; я подожду с их определением, потому что трудно поверить, чтобы Бог, при всем его могуществе, мог изобрести такой социальный строй, где можно было бы утолить эти три страсти, столь ненасытно жаждущие наслаждения.

Семь страстей – аффективные и распределительные – зависят больше от души, чем от материи; они играют роль первичных. Их комбинированное действие порождает страсть коллективную или образуемую сочетанием семи других, подобно тому как белый цвет создается сочетанием семи цветов радуги; эту тринадцатую я назову *гармонизмом, или унитеизмом*; она еще более неизвестна, чем страсти номеров 10, 11 и 12, на которых я еще не останавливался; но и не зная их, можно рассуждать на тему о всеобщем их влиянии. Так я и сделаю.

Хотя эти четыре страсти – 10, 11, 12 и 13 – совершенно заглушены нашими обычаями цивилизованных, однако зародыши их живут у нас в душе; и это нас утомляет, тревожит в большей или меньшей мере в зависимости от активности этого зародыша в каждом отдельном человеке. Вот почему многие цивилизованные на протяжении всей своей жизни томятся даже в том случае, если они владеют всеми предметами своих желаний. Свидетельством тому Цезарь, который, взойдя на мировой престол, удивлялся тому, что, достигнув столь высокого ранга, он ощущает лишь пустоту и скуку. Эта тревога Цезаря имела единственной причиной влияние четырех заглушенных страстей, и в особенности 13-й, которая чрезвычайно активно действовала на его душу; своим счастьем он наслаждался тем меньше, что достижение наивысшего ранга не оставляло уже желать ничего большего, что могло бы его рассеять и служить противовесом для этой 13-й страсти, которая в нем преобладала.

Как общее правило, то же несчастье постигает примерно всех великих людей цивилизации; так как их душу сильно волнуют эти четыре страсти, не имеющие простора для своего развития, то неудивительно, что обычно рядовой человек более довольствуется своим маленьким счастьем, чем великие люди своими великолепными наслаждениями. Это столь восхваляемое величие – *Трон, Господство* и пр. – есть благо реальное, что бы ни говорили философы; но эти блага имеют свойство возбуждать, а не удовлетворять четыре заглушенные страсти; этим объясняется то, что средний класс более способен наслаждаться при наличии меньших ресурсов, потому что его мещанские (*bourgeois*) навыки возбуждают в нем лишь девять первичных страстей, которые имеют некоторый простор для своего развития при строе цивилизации, тогда как три распределительных и *гармонизм* этого простора вовсе лишены.

Как общее правило, влияние трех распределительных страстей порождает характеры, именуемые свобододолюбивыми, беспутными и т. д. *13-я страсть, или гармонизм, порождает характеры, именуемые оригинальными: этим людям не по себе в нашем мире; они не могут свыкнуться с обычаями Цивилизации.*

Варварам почти чужды эти четыре страсти, которые на данной общественной ступени совершенно не пробуждаются; недаром они больше нас довольствуются своими грубыми нравами, складывающимися под влиянием девяти страстей материального и духовного характера, единственных, которые их волнуют.

В качестве резюме скажу: если полноценное счастье человеческий род обретает только в строе групповых серий, или в строе комбинации, то объясняется это тем, что данный строй полностью обеспечит развитие двенадцати коренных страстей, а следовательно, и тринадцатой страсти, которая есть комплекс семи главных. Отсюда следует, что в этом новом общественном строе наименее счастливый из индивидуумов, будь то мужчина или женщина, все же окажется во много раз счастливее, чем могущественнейший из королей в наши дни; и это потому, что подлинное счастье заключается лишь в удовлетворении всех страстей.

Двенадцать коренных (*radicales*) страстей подразделяются на множество оттенков, преобладающих в большей или меньшей мере в том или другом индивидууме. Отсюда бесконечное разнообразие характеров, которые, однако, могут быть сведены к восьмистам (десяти) главным. Природа наделяет ими наугад детей того и другого пола; среди восьмисот (десяти)

детей, собранных без какого бы то ни было подбора, можно найти зародыши всевозможных совершенств, достижимых человеческим разумом; этим я хочу сказать, что каждый из детей от природы одарен способностью, достаточной, чтобы стать равным одному из изумительнейших людей, которых видел мир, как Гомер, Цезарь, Ньютон и пр. Если взять общую цифру населения Франции – 36 млн. – и разделить это число на восемьсот (десять), то окажется, что в этом государстве имеется 45 тыс. индивидуумов, способных сравняться с Гомером, 45 тыс., способных сравняться с Демосфеном, и т. д., если бы только их готовили к этому с трехлетнего возраста и давали бы им естественное воспитание, которое развивает в человеке все зародыши, заложенные в него природой. Но такое воспитание осуществимо только при прогрессивных сериях, или комбинированном строе; можно себе представить, каков будет в этом новом строе приток знаменитых людей во все отрасли человеческой деятельности, если население одной только Франции уже даст 45 тыс. в каждой из них. Итак, когда весь земной шар будет организован и численный состав его населения доведен до 3 млрд., тогда на земном шаре постоянно будет 37 млн. поэтов, равных Гомеру, 37 млн. ученых геометров, равных Ньютону, 37 млн. драматических писателей, равных Мольеру, и так со всеми мыслимыми талантами. (Разумеется, эти исчисления приблизительны, и напрасно парижские газеты принимают их буквально.)

Большое заблуждение думать, что природа скупа на таланты; она щедра сверх наших желаний и наших потребностей; но ваше дело – уметь распознать и развить эти зачатки; а вы в этой области столько же невежественны, сколь невежественен дикарь в вопросе обнаружения и эксплуатации горных залежей. Вы не обладаете никаким искусством, никаким пробным камнем для распознавания того, к чему предназначила природа индивидуумов, какие зачатки заложены в их душу; при цивилизации эти зародыши попираются, они глушатся воспитанием, и из миллиона людей этого едва ли избегнет один. Искусство распознавания этих зародышей – одно из тысячи чудес, которым научит вас теория прогрессивных серий, где каждый развивается и совершенствуется до наивысшего предела различные зачатки талантов, заложенные в него природой.

Поскольку восемьсот характеров распределены наугад среди различных детей, не приходится удивляться обычному контрасту между отцами и детьми; не даром существует французская поговорка: «У скупого отца – щедрый сын». Отсюда постоянное взаимное попираание интересов в семье: отец с огромными затратами и трудами создал такое-то предприятие, а сын им пренебрегает, губит своим нерадением и продает, потому что его вкусы противоположны; у отцов – это повод для нескончаемых сетований на природу. Новый социальный строй покажет правомерность всех этих мнимых несправедливостей природы, даже самых возмутительных; таково оставление на произвол судьбы бедняка, которому оказывают тем меньше покровительства, чем больше нуждается он в помощи и работе, тогда как богач, который ни в чем не нуждается, бывает осыпан милостями судьбы и может выбирать любую должность. Это влияние злого гения чувствуется во всех сферах *Цивилизации*; всюду мы видим, как яростно обрушивается природа на бедняка, на праведника и на слабого; всюду мы видим отсутствие Божественного провидения и вечное царство демонического духа; лишь порою бывают проблески справедливости, чтобы мы поняли, что справедливости нет места в обществах цивилизованном и варварском.

Расин в «Андромахе»⁴⁵ говорит:

*«Пилад, какую ты мне объяснишь причиной,
Что зло всегда в чести, страдает же – невинный,
И тот, кто жертвует собою для других,*

⁴⁵ «Андромаха» – трагедия в пяти актах, произведение французского драматурга Жана Расина. Написана Александрийским стихом. Премьера «Андромахи» состоялась 17 ноября 1667 года в Лувре, в присутствии Людовика XIV. – *Примеч. ред.*

*Лишь неприязнь и злость в ответ находит в них?
Сколь добродетельной я ни держусь дороги,
Меня преследуют безжалостные боги.»⁴⁶*

Эти преходящие неурядицы вам покажутся актом величайшей мудрости, когда вы благодаря теории притяжения поймете, что строй *Цивилизации* обладает свойством развивать 12 коренных страстей в превратном направлении и постоянно порождать столько несправедливости и ужасов, сколько справедливости и благодеяний принесли бы эти страсти при их правильном развитии и комбинированном действии. Вы будете удивляться правильному сцеплению этих злосчастий, которые обрушивает и будет обрушивать на вас Бог, пока вы будете упорствовать в своей разобщенности производства; вы поймете, что мнимые странности в игре страстей основаны на глубоком расчете, с помощью которого Бог уготовил вам огромное счастье в комбинированном строе; и, наконец, вы поймете, что это *страстное влечение, хулимое вашими философами, как порок и разврат, есть самое изумительное дело рук Божьих*; потому что это влечение без всякого принуждения и без всякой иной поддержки – силою приманки, заключающейся в наслаждениях, – установит универсальное единство на земном шаре и приведет к исчезновению войн и резолюций, нищеты и несправедливости, как это будет на протяжении 70 тысячелетий социальной гармонии, в которую нам предстоит вступить. Теперь вернемся к хаотическим обществам, в которых мы живем.

⁴⁶ Жан Расин. «Трагедии». Перевод И.Я. Шафаренко и В.Е. Шора. Новосибирск: Наука, 1977.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.